

ЗАЩИТНИК ХРУЩЕВКИ, ЕГО РЕЧЬ И ЕГО ПЛАКАТ: ДИСКУРС И ЭТНОГРАФИЯ АНТИРЕНОВАЦИОННОГО ПРОТЕСТА В МОСКВЕ

АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА АРХИПОВА^{[1], [2]}

✉ ALEXANDRA.ARKHPOVA@GMAIL.COM
ORCID: 0000-0001-8853-0003

^[1]РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ, МОСКВА, РОССИЯ

^[2]РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА, МОСКВА, РОССИЯ

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА ГАВРИЛОВА^[1]

✉ MARIAVL.GAVRILOVA@GMAIL.COM
ORCID: 0000-0003-0846-3408

^[1]РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ, МОСКВА, РОССИЯ

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА КОЗЛОВА^[1]

✉ MATIRA@DOBRE.RU
ORCID: 0000-0001-5466-1339

^[1]РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ, МОСКВА, РОССИЯ

Для цитирования статьи:

Архипова, А. С., Гаврилова, М. В., Козлова, И. В. (2019). Защитник хрущевки, его речь и его плакат: дискурс и этнография антиреновационного протеста в Москве. *Фольклор и антропология города*, 11(3–4), 294–331. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-294-331.

В статье представлены результаты антропологического исследования протестов владельцев квартир в пятиэтажках-«хрущевках» против программы реновации жилья, инициированной московскими властями в 2017–2018 годы. В качестве материала исследования мы использовали глубинные интервью с жителями домов, попавших в программу реновации (10 интервью) и результаты наблюдений, проведенных на уличных акциях против закона о реновации. На уличных акциях мы также записывали интервью (62 интервью) и фиксировали «высказывания» (плакаты, значки и т. п.), на основе которых была создана база (1256 единиц). С одной стороны, авторов интересовало, каким образом противники реновации описывали самих себя, свое жилье, действия московских властей и какие дискурсивные модели они использовали для выражения своего отношения к происходящим событиям. С другой стороны, авторы стремились охарактеризовать людей, которых мобилизовала эта волна протеста, объяснить, как и почему они оказались вовлечены сначала в активистскую, а в дальнейшем и в политическую деятельность, и описать динамику этого процесса. Наконец, используя качественные и количественные методы, авторы выявили главные причины того, почему программа реновации, первоначально задуманная властями в качестве «подарка» москвичам, вызвала такое сильное недовольство у жителей пятиэтажек. На основе своих выводов они сформулировали ряд практических советов застройщикам, как избежать подобного развития событий в аналогичных ситуациях.

Ключевые слова: протест, реновация, митинг, дискурс, комфортная среда, становление активиста

Работа выполнена в рамках НИР «Фольклор/постфольклор в культурном пространстве города XX–XXI вв.: нарративные и поведенческие стратегии» Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС.

Мы выражаем благодарность нашим коллегам из группы «Мониторинг актуального фольклора» и друзьям группы МАФ, которые наблюдали с нами акции, фотографировали плакаты и записывали интервью: Елене Югай, Сергею Белянину, Алексею Титкову, Вадиму Лурье, Екатерине Ландовой, Александру Фокину, Марии Ахметовой, Марии Сухановой.

DEFENDERS OF THE “KHRUSHCHEV HOUSES”, THEIR SPEECH AND POSTERS: DISCOURSE AND ETHNOGRAPHY OF THE PROTEST AGAINST THE HOUSING RENOVATION PROGRAM IN MOSCOW

Alexandra S. Arkhipova^{[1]. [2]}

✉ ALEXANDRA.ARKHIPOVA@GMAIL.COM
ORCID: 0000-0001-8853-0003

^[1]RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA

^[2]NEW ECONOMIC SCHOOL, MOSCOW, RUSSIA

Maria V. Gavrilova^[1]

✉ MARI AVL.GAVRILOVA@GMAIL.COM
ORCID: 0000-0003-0846-3408

^[1]RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA

Irina V. Kozlova^[1]

✉ MATIRA@DOBRE.RU
ORCID: 0000-0001-5466-1339

^[1]RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA

TO CITE THIS ARTICLE: ARKHIPOVA, A., GAVRILOVA, M., KOZLOVA I. (2019). DEFENDERS OF THE “KHRUSHCHEV HOUSES”, THEIR SPEECH AND POSTERS: DISCOURSE AND ETHNOGRAPHY OF THE PROTEST AGAINST THE HOUSING RENOVATION PROGRAM IN MOSCOW. *URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY*, II(3–4), 294–331. DOI: 10.22394/2658-3895-2019-2-3-4-294-331. (IN RUSSIAN).

The article presents the results of an anthropological study of the protests of the apartment owners in five-storey “Khrushchev” buildings against the housing renovation program initiated by Moscow authorities in 2017–2018. We used in-depth interviews with residents of houses that fell under the renovation program (10 interviews) and results of observations made during street actions against the renovation law as research material. During the street rallies we have also recorded interviews (62 interviews in total) and “statements” (posters, badges, etc.) that subsequently comprised a database (1256 units). On the one hand, the authors of this article were interested in how opponents of the renovation described themselves, their housing, the actions of Moscow authorities and

which discursive models they employed to express their attitude to the events. On the other hand, the authors' goal was to characterize the people who were mobilized by this wave of protest, to explain how and why they became involved first in grassroots activism, and later on in professional political work, and describe the dynamics of this process. Finally, by employing qualitative and quantitative methods, the authors identified the main reasons why the renovation program, originally conceived by the authorities as a "gift" to Muscovites, caused such a strong negative reaction among residents of five-storey buildings. Based on their findings, they formulated some practical advice for developers on how to avoid such a reaction from people in similar situations.

Keywords: civil protest, housing renovation program, rally, discourse, comfortable urban environment, political activism

The research was performed under the research project «Folklore/postfolklore in urban cultural space of the 20th–21st centuries: Narrative and behavioral strategies» by the Laboratory for Theoretical Folklore Studies (SASH ISS RANEPА).

We express gratitude to our colleagues from the Monitoring of Current Folklore group and to the friends of the group that were observing rallies, photographing posters and recording interviews along with us: Elena Yugay, Sergei Belyanin, Alexei Titkov, Vadim Lurie, Ekaterina Landova, Alexander Fokin, Maria Akhmetova, Maria Sukhanova.

«НИКТО, КРОМЕ ВАС, ЭТО СДЕЛАТЬ НЕ СМОЖЕТ»: КАК ВОЗНИК КОНФЛИКТ ВОКРУГ РЕНОВАЦИИ И ЗАМЫСЕЛ НАШЕЙ СТАТЬИ

В феврале 2017 года правительство Москвы объявило о начале «Программы реновации жилья», согласно которой часть «ветхой» московской жилой застройки — в первую очередь, кварталы «хрущевских»¹ панельных пятиэтажек — подлежала сносу. На этом месте планировалось строить современные высотные дома. Одну часть квартир в будущих новостройках предлагалось отдать бывшим жильцам хрущевок взамен изъятой у них собственности, а другую — продать.

В опубликованном интернет-изданием «Медуза» расследовании журналиста Ивана Голунова подробно рассказано о том, что снос ветхих хрущевок обсуждался в мэрии еще в 2014–2016 годы. Однако публичным этот проект стал в начале февраля 2017 года, причем подан он был как реакция на запрос «снизу», который озвучили депутаты на муниципальном съезде: «Никто, кроме вас, это [снос ветхого жилья] сделать не может», — сказали они мэру Москвы Сергею Собянину. Голунов отмечает, что новость о запросе депутатов была опубликована на сайте московского стройкомплекса за 40 минут до начала съезда [Голунов 2017, 15 августа]. Буквально в день съезда, 7 февраля, на канале «Россия-1» вышел репортаж, в котором жители «хрущевок» жаловались на ветхость жилья и просили запустить программу реновации [Стрыгина 2017, 7 февраля].

¹ *Хрущевками* традиционно называют дома упрощенной планировки, которые начали строить при Н. С. Хрущеве. В 1956–1959 годы была начата серия строительства «показательных новых домов» в новом районе Москвы Черемушки. Квартиры отличались маленькой площадью, однако построенные типовые дома стали способом решить вопрос с жильем для огромного числа советских семей.

Согласно этим журналистским расследованиям, реновация, по задумке мэрии, должна была восприниматься москвичами как ответ на запрос «широких масс». Авторы идеи были убеждены, что программа будет встречена одобрением, потому что «люди получают более дорогие квартиры в новых комфортных домах» [Голунов 2017, 15 августа]. 10 марта 2017 года депутаты Государственной думы внесли законопроект о сносе пятиэтажек в Москве [Андреева 2017, 10 марта, Бекбулатова, Воронов, Иванов 2017, 10 марта], по которому стало возможным по суду выселять собственников из их квартир², если две трети жильцов дома проголосовало за снос. Закон был одобрен думой в первом чтении 20 апреля и принят с многочисленными поправками 1 июля 2017 года³. Ожидания московской политической элиты не оправдались: горожане не обрадовались «подарку» в виде замены ветхого жилья на новое. В течение весны 2017 года реновация активно обсуждалась в СМИ (Илл. 1). В социальных сетях уже с конца февраля стали появляться группы противников реновации, стремительно разворачивалась протестная мобилизация [Галямина и др. 2018: 7]. Результатом этого стал первый массовый⁴ митинг противников реновации, который прошел 14 мая 2017 года. Сопrotивление программе реновации мобилизовало на борьбу тех, кто раньше не участвовал в протестных акциях и не причислял себя к политическим активистам. В то же время в соцсетях появились немногочисленные группы сторонников реновации, хотя их состав вызвал много вопросов, а журналистские расследования показали, что большинство участников этих групп не являются жителями пятиэтажек, за которых себя выдают [Мароховская, Долинина 2017, 20 ноября].

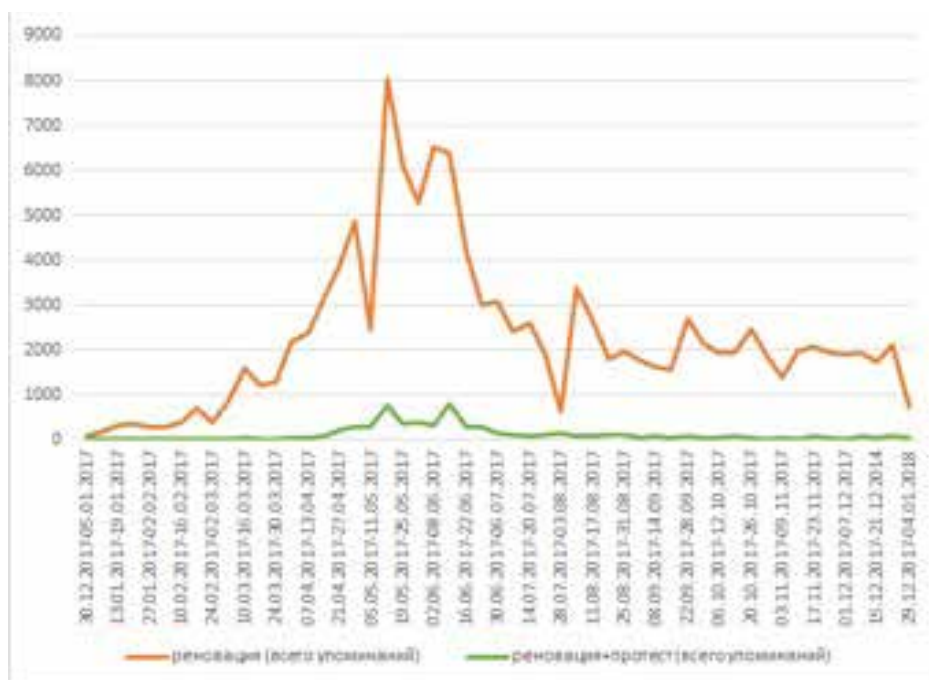
Такова вкратце история московской реновации и сопротивления ей. Однако наше исследование посвящено не столько самому конфликту вокруг московской реновации, сколько анализу дискурса ее противников. Медленно, шаг за шагом, мы хотим показать, как люди создают и демонстрируют публично — в своей речи во время интервью, а потом и на плакате во время протестных акций — те глубинные причины, по которым они не хотят лишаться всего «ветхого жилья». Развитие

² Многие независимые политики при этом заявили, что переселение будет фактически принудительным. Например, Дмитрий Гудков в интервью 11 марта 2017 года, процитировав законопроект, сделал именно такой вывод: «В случае, если договор о переходе права собственности на жилое помещение, расположенное в многоквартирном доме, включенном в решение о реновации, не заключен в установленном порядке по истечении шестидесяти дней со дня направления собственнику жилого помещения предложения о предоставлении равнозначного жилого помещения, выселение, освобождение указанного жилого помещения, прекращение права собственности на указанное жилое помещение и регистрация права собственности на равнозначное жилое помещение осуществляются в судебном порядке» [Гудков 2017, 11 марта].

³ Федеральный закон от 1 июля 2017 года № 141-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей регулирования отдельных правоотношений в целях реновации жилищного фонда в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве» [<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102437323&intelsearch=%CE+%F1%F2%E0%F2%F3%F1%E5+%F1%F2%EE%EB%E8%F6%FB+%D0%EE%F1%F1%E8%E9%F1%EA%EE%E9+%D4%E5%E4%E5%F0%E0%F6%E8%E8>]. Кроме этого закона в связи с реновацией был принят еще ряд актов [<https://www.mos.ru/city/projects/renovation/garantii/>].

⁴ Волонтерская организация «Белый счетчик» насчитала более 20 тысяч участников, прошедших через рамки. Это был один из самых массовых митингов за последнее время, учитывая, что программа реновации касалась не всех.

антиреновационного дискурса, переход его из индивидуальной речи в максимально публичное высказывание на плакате не только обнажает эти причины, но и создает основание для солидаризации протестующих, которая, в свою очередь, усиливает протест. Соответственно, именно анализ дискурса — как качественными, как и количественными методами — позволит и антропологу, и девелоперу понять, как лучше (было) взаимодействовать с жителями «хрущевок» и каких ошибок можно избежать в дальнейшем.

Илл. 1. Количество публикаций в СМИ с 30 декабря 2016 по 30 декабря 2017 года на тему а) московской реновации; б) упоминания протестов против программы реновации (по данным базы «Интегрум»)

СПЕЦИФИКА ПРОТЕСТА ПРОТИВ РЕНОВАЦИИ В МОСКВЕ

Россия — далеко не единственная страна, где горожане протестуют против планов застройщиков, защищая свою собственность и привычную среду обитания. Чаще всего против сноса домов и реконструкции кварталов выступают жители бедных районов. Это особенно характерно для стран так называемого «второго мира» (Китай, Турция, страны Латинской Америки), где экономический рост и стремление к модернизации городских территорий сочетается с выраженным имущественным неравенством и несовершенством социальных институтов [де Сото 2008, Kuymulu 2014, Gransow 2014, Chen 2009]. Но не только: конфликты случаются и в таких странах, как Южная Корея, Израиль, Испания [Menahem 1994, Lee 2014, Shin 2018,

Айбар, Бейкер 2017]. При этом китайский и турецкий случаи структурно довольно похожи на российский антидевелоперский протест: в качестве агрессивного модернизатора здесь выступает авторитарное государство, в том числе отстаивающее интересы крупного бизнеса. В московском случае внимание противников реновации было сосредоточено в первую очередь на критике чиновников, желающих «распилить» бюджет, а крупные застройщики рассматривались как их партнеры и помощники: «Бюджетные деньги в значительной части разворуют, от этого инвесторы потеряют интерес к дальнейшему строительству, чиновники, набившие карманы, потихоньку разбегутся» [Гудков 2017, 16 мая]. В этом дискурсе государство не то чтобы лоббирует интересы крупного бизнеса, а скорее действует в союзе с ним для обогащения, в первую очередь, чиновников.

Московский антиреновационный протест специфичен во многом именно по составу участников: в активные действия против программы реновации оказался вовлечен качественно другой социальный слой. В то время как в других странах к тотальному сносу чаще «приговаривают» кварталы бедняков, у нас (как мы покажем далее) наиболее активно в борьбе с реновацией себя проявили именно представители среднего класса, причем в первую очередь — те, чьи доходы в течение последних нескольких лет позволили им купить квартиру (такое приобретение сегодня по карману лишь очень небольшому проценту россиян).

Соответственно, отличается и то, как исследователи воспринимают социальный протест такого рода. Случаи сопротивления застройщикам в других странах обычно оцениваются и рассматриваются как яркий пример «левой» повестки (например, [Айбар, Бейкер 2017]), подразумевающей антагонизм между богатыми и сильными, с одной стороны, и бедными и слабыми — с другой. В России ситуация другая: борьба против программы реновации происходит с ярко выраженных «правых» позиций, причем отстаивание собственниками своих имущественных прав оказывается триггером возникновения чувства гражданственности и, как результат, политического вовлечения. Аполитичные владельцы московских хрущевок не просто оказались втянуты в масштабный социальный конфликт, который, в числе прочего, выразился в уличном протесте, но и возглавили его. Многие из наших собеседников очень быстро прошли цикл вовлечения в политическую деятельность: «аполитичный обыватель» — «борец за свой дом» — «гражданский активист». Социолог Карин Клеман описывала похожую трансформацию — правда, состоящую из двух этапов: «обывателя» и «активиста» [Клеман и др. 2010, Клеман 2013]⁵.

Как мы изучали дискурс протеста: методология исследования

Те, кто изучает протест, далеко не всегда имеют возможность пронаблюдать и зафиксировать его развитие в реальном времени⁶.

⁵ Типологически похожую трансформацию аполитичного гражданина в активиста описывают также социологи в книге «Политика аполитичных» [Ерпылева, Магун 2013].

⁶ В режиме реального времени отдельные кейсы, например, борьбу против сноса дома Юргенса (на ул. Жуковского), домов на Талейкиной улице и др. в Санкт-Петербурге наблюдала и анализировала Е. В. Тыканова [Тыканова 2013, Тыканова 2019].

Как правило, исследователи городского социального протеста используют в качестве материала для анализа публикации в СМИ, агитационные материалы, а также ретроспективно записанные интервью⁷. На наш взгляд, этого материала недостаточно, и вдобавок он содержит в себе один существенный дефект. Дело в том, что наши воспоминания подвержены когнитивному искажению, называемому *hindsight effect*: при порождении ретроспективного нарратива мы бессознательно корректируем свое восприятие предыдущих событий, если знаем, чем окончилась история⁸. Содержание тех нарративов о себе, которые информанты транслировали в мае 2017 года, когда движение против реновации еще только набирало силу, расходится с тем, что те же самые люди рассказывали уже осенью 2017-го или в 2018 году. Например, в интервью постфактум⁹ участники движения против реновации иногда говорили о себе как об изначально подготовленных и зрелых политических активистах, хотя в более ранних рассказах история и мотивировки их вовлечения в публичные действия были иными.

Именно в силу этих причин наша исследовательская группа¹⁰ стремилась провести синхронное исследование реакции москвичей на программу реновации. Мы начали исследовательскую работу в марте 2017 года, когда антиреновационный протест набирал силу, и закончили в апреле 2018 года, когда состоялся последний митинг.

В результате нам удалось проследить динамику реакции на происходящее на всех его этапах: мы наблюдали за откликом общества на программу реновации, посещали все антиреновационные митинги (14 мая 2017 года, 28 мая 2017 года, 12 июня 2017 года, 14 июня 2017 года, 21 апреля 2018 года)¹¹ и интервьюировали москвичей, вовлеченных в

⁷ В частности: [Gransow 2014, Chen 2009, Menahem 1994, Lee 2014, Shin 2018]. Непосредственно проблемам реновации в России на материалах анализа СМИ посвящена статья О. В. Ергылевой [Ергылева 2019].

⁸ Подробнее о том, как *hindsight effect* меняет конструирование текста рассказчиком, см.: [Janoff-Bulman, Timko, Carli 1985].

⁹ Иногда у нас даже случайно происходили повторные встречи с информантами на митингах.

¹⁰ Наша исследовательская группа называется «Мониторинг актуального фольклора» (МАФ). Наблюдая с 2014 года за появлением и распространением фольклорных текстов и вернакулярных практик, мы, в числе прочего, рутинно ведем мониторинг общественной реакции на актуальные социально-политические события. См. подробнее в работах группы МАФ: [Архипова и др. 2017, Arkhipova et al. 2017, Архипова и др. 2018a].

¹¹ Первый и самый большой митинг прошел 14 мая 2017 года на площади Сахарова — на входе перед рамками активисты «Белого счетчика» зафиксировали 20 тысяч человек (стоит добавить, что была большая давка перед входом и некоторые уходили, не пройдя через рамки собственно на территорию митинга). Следующей акцией стало шествие по ул. Вавилова 28 мая 2017 года, в которой, по данным «Белого счетчика», приняла участие 5 тысяч человек. 12 июня 2017 года противники реновации решили принять участие отдельной группой в антикоррупционном митинге Алексея Навального, однако когда сторонники Навального отказались от согласованной ранее площадки на проспекте Сахарова и ушли на Тверскую и Пушкинскую площадь, противники реновации в своем большинстве остались на проспекте Сахарова. Из-за того, что организаторы митинга в последний момент внезапно изменили планы, «Белый счетчик» подсчетов на площади Сахарова не вел, но наши наблюдатели из группы МАФ сообщают, что, по сравнению с митингом 14 мая, площадь была практически пустой. В текущем исследовании учитывались только те участники митинга 12 июня, которые остались на площади Сахарова. 14 июня мы наблюдали народный сход у Государственной думы, плакатов там не было, но мы записали несколько интервью. И наконец, 21 апреля 2018 года противники реновации вновь собрались на митинг, который был организован партией «Яблоко» (в значительной мере — в поддержку кандидата от «Яблока» на ближайших выборах мэра Москвы) и прошел на площади Суворова. «Белый счетчик» свидетельствует, что через рамки прошло 3 тысячи человек.

конфликт — причем делали это синхронно с развитием протеста, в том числе и на всех акциях протеста.

Мы не ставили перед собой задачи проанализировать социальные процессы, лежащие в основе конфликта вокруг московской программы реновации жилья, или провести этнографическое наблюдение деятельности активистских сообществ, а сосредоточились на анализе текстов, отражающих реакцию людей на происходящее с их жильем — текстов, которые наши собеседники спонтанно порождали во время интервью, а также помещали на плакаты во время митингов. Именно поэтому мы интервьюировали активистов и рядовых жителей хрущевек, возмущенных тем, что их дома идут под снос.

Как мы увидим далее, в речи разных людей, не знакомых друг с другом, встречаются одни и те же структуры и паттерны (в терминах ван Дейка) [ван Дейк, Кинч 1988]. Другими словами, мы изучаем дискурс, который создавали люди, еще вчера бывшие аполитичными москвичами, а завтра ставшие гражданскими активистами. Качественный анализ текстов интервью (72 интервью), а также количественный анализ плакатов позволил нам выделить нарративные элементы, с помощью которых создавался дискурс протеста и в спонтанной речи (во время интервью), и в публичном высказывании на плакате. Именно этот дискурс позволял протестующим заявлять о себе как об особой группе со своими специальными требованиями.

Анализ спонтанных высказываний хорошо разработан (в первую очередь когнитивной школой ван Дейка), в то время как такой работы с публичными высказываниями на плакатах, которые предъявляют протестующие, никто не делал. Для анализа дискурса публичных акций исследовательская группа МАФ разработала собственную методику количественного анализа высказываний на публичных акциях. Расскажем кратко, в чем она состоит.

Хотя на митинг можно прийти в обычной одежде и без всяких знаков протеста, мотивированные участники, как правило, специально артикулируют свою позицию с помощью заметных высказываний. Мы называем их «высказываниями в сильной позиции» или просто «сильными высказываниями»¹². Таким высказыванием может, например, стать плакат «Если вам нужна моя частная собственность, договаривайтесь со мной о цене!» или красно-белая строительная лента, повязанная на руку. Высказывание может быть сделано *вербально* (текст на плакате «Не сносите, да не сносимы будете»), *визуально* (дорожный знак «стоп», зачеркнутый экскаватор) или с помощью *артефакта* (красный «пионерский» галстук, шляпа в виде зеленого двора, трехмерная модель дома).

Во время публичной политической акции наша исследовательская группа и волонтеры наблюдают, интервьюируют участников и

¹² Участники публичной политической акции, не имеющие явных знаков протеста, тем не менее, тоже совершают высказывание — «нулевое высказывание», поскольку они поддерживают повестку акции самым фактом своего присутствия. Но в наших базах они не учитываются, поскольку мы считаем только «сильные высказывания».

фотографируют их «сильные высказывания». В дальнейшем мы просматриваем фотографии и видео¹³, сделанные в разных точках акции, и на основе этого материала создаем базу данных. Единицей в нашей базе является не любой посетитель митинга, а участник с заведомо артикулированной позицией — с «сильным высказыванием»¹⁴. Совокупно в базе данных по антиреновационному протесту нами было учтено 1256 «сильных высказываний»: 403 — за 14 мая 2017 года, 475 — за 28 мая 2017 года, 178 — за 12 июня 2017 года и, наконец, 200 — за 21 апреля 2018 года.

В результате мы имеем корпус текстов, в котором сведены воедино «голоса» множества участников протеста, выраженные ими с помощью «сильных высказываний». Количественный анализ этого массива показывает нам, во-первых, насколько ярко в протестном дискурсе выражена та или иная тема по сравнению с остальными и, во-вторых, как этот показатель меняется в динамике. Таким образом, мы слышим весь «хор» голосов протеста (часть из которых может не совпадать с «официально» объявленными повестками митингов), и в то же время определяем, какие мотивы в нем «звучат» громче остальных.

Сначала мы представим перечень наиболее частотных нарративных структур в индивидуальной речи, объясняющих, как и почему жители хрущевок включаются в протест против реновации, попутно отслеживая, как те или иные мотивировки, озвучиваемые противниками реновации, преломляются в конкретные действия. После этого мы расскажем о способах публичной репрезентации претензий москвичей на митингах и, основываясь на количественных данных, покажем, какие проблемы для них наиболее важны. В конце статьи мы не только обобщим полученные результаты, поместив наши выводы в контекст дальнейшего развития социально-политических событий в Москве, но и сформулируем несколько практических рекомендаций, которые мы адресуем всем тем, кто заинтересован в развитии городской среды.

«ДЕРЕВЬЯ, ПТИЧКИ И СОРАЗМЕРНОСТЬ ЧЕЛОВЕКУ»: СТРАХ УТРАТЫ КОМФОРТНОЙ СРЕДЫ

Пять этажей без лифта, маленькая квартира с низкими потолками, невероятно тесной кухней и совмещенным санузлом — вот типичные черты хрущевок, создающие узнаваемый образ простого «пролетарского» жилища, которое иногда ласково называют хрущобой. Видимо, московская мэрия, предлагая свой «дар», по умолчанию предполагала, что все хотят избавиться от такого «морально устаревшего» жилья. Казалось бы, такая точка зрения вполне оправдана: результаты исследования,

¹³ Например, за 28 мая 2017 года нами было сделано более 2000 фотографий; причем на одной фотографии может присутствовать более одного человека с тем или иным «высказыванием».

¹⁴ В частности, в результате полевой работы на митинге 28 мая 2017 года у нас оказалось 475 уникальных фотографических изображений, равных единице в базе. Также стоит отдельно отметить, что на одном митингующем может быть несколько «сильных высказываний». Тем не менее, один участник митинга, держащий плакат, обвязанный строптальной лентой и увешанный значками — это одна строчка в базе.

проведенного Центром городской антропологии КБ Стрелка в шести российских городах, показали, что хрущевки пользуются наименьшей популярностью у покупателей [Алексеевский 2017, 1 ноября].

Однако в том же исследовании говорится о том, что «бесспорным фаворитом» для большинства информантов является коттедж, поскольку жизнь в коттедже — это и близость к природе, и соразмерность с человеком. А кроме того, в целом российские покупатели квартир почти всегда выбирают жилье по принципу «наименее плохого» из доступного по цене [Алексеевский 2017, 1 ноября]. Поэтому кажущееся противоречие наших исследований снимается тем, что наши информанты — это не все россияне, купившие жилье, а именно те, кто сознательно выбрал себе именно пятиэтажку в качестве «наименее плохого из доступного». Если квартиры в пятиэтажках не достались по наследству, то они были куплены нашими информантами после долгих поисков, по ипотеке или на деньги, взятые в долг. Рынок московского жилья устроен таким образом, что если человек хочет приобрести квартиру в пределах МКАД (Московской кольцевой автодороги) — то есть у станции метро и относительно близко к центру — то хрущевка часто оказывается наиболее доступной по цене. Как рассказывали нам информанты, квартира в хрущевке выбиралась ими очень тщательно — с учетом близости к работе взрослых и к школе детей. Многие информанты специально покупали «убитую» квартиру в хрущевке, чтобы сэкономить и потом сделать ремонт и удобную для семьи перепланировку.

Но кроме этого, для двух третей наших информантов хрущевка — это не просто дом, где они живут и частью которого они владеют, а сочетание культурной, социальной и природной среды, адаптированное под конкретного «пользователя». Информанты постоянно говорили нам о том, что они покупали именно «среду, а не метры». Ради среды они готовы были терпеть значительные неудобства: «Мы посмотрели на эту квартиру — о боже мой, какая она была убогая! Я сказала [сыну]: “Мы покупаем стены, все остальное мы сделаем сами”. Вот. Но место!»¹⁵.

Место расположения хрущевки, которое перевешивает «убожество» самой квартиры — это прежде всего наличие природы вокруг. Постоянным элементом нарратива о квартире в пятиэтажке является рассказ о деревьях, растущих вокруг дома: «...мне приятно, что я выглядываю в окно и вижу прямо перед собой деревья, это важно»¹⁶. Наравне с деревьями, чьи ветки создают тень на балконе, часто упоминаются домашние и дикие животные.

Эти районы зеленые, прекрасные, где живут кошки, они тоже москвичи, и их не просто лишают дома, их просто уничтожают, они погибнут под завалами <...>. Комфортная среда для человека — это зеленая среда, это птицы, животные — тогда и человек чувствует себя лучше¹⁷.

¹⁵ Светлана Б., 49 лет, высшее образование. Район Покровское-Стрешнево. Интервью записано Александрой Архиповой и Марией Гавриловой 03.02.2017.

¹⁶ Алексей В., 54 года, высшее образование. Район Филн. Интервью записано Александрой Архиповой в апреле 2017 года.

¹⁷ Ж., около 35 лет, записано Ириной Козловой на митинге 21.04.2018.

Один из наших информантов нарисовал плакат, сделав адресантом высказывания kota (*Илл. 2*). Он объяснил это тем, что «коты тоже москвичи», и они не меньше людей страдают от реновации:

Не только людям будет в этой душегубке [новых небоскребах] плохо житься, но и птичкам, и котикам, и всем на свете¹⁸.

Одна из наших собеседниц упорно называла свою хрущевку «дачкой», упирая на преимущества жизни в Москве (возле метро «Шукинская» — то есть довольно близко от центра) с сохранением всех достоинств дачного дома:

Тут действительно дачка-дачка: тут открываешь окно — свежий воздух дают бесплатно. Никаких машин, вообще! <...> Есть бабки, которые с самого прям дня основания тут живут, они вон там клумбочку под окнами разбивают. <...> Я решила, что я хочу жить тут, вот с этими птичками, там, боярышником и бобрами в 20-ти минутах и метро — в 15-ти¹⁹.

Другая информантка сравнивала свой микрорайон пятиэтажек у метро Беляево с «деревней»:

...у нас очень много долгожителей, именно из-за того, что у нас прекрасная инфраструктура и прекрасная природа. Вот. И такой вот затишок: ты ушел от метро — и все, и ты уже живешь в деревне спокойно²⁰.

Для всех опрошенных большим преимуществом оказывается наличие поблизости парка. Одна из наших собеседниц на митинге говорила, что специально переехала из центра в Коптево, район на севере Москвы, потому что «там зеленый район и парк рядом»²¹. Неважно, что в этот парк рассказчик может ходить один раз в год, важно, что его наличие — это такая привилегия, от которой он не готов отказываться: «Все-таки у нас очень хороший район — мы сидим на краю парка, и я думаю, там все бы взбесились, если бы нас стали бы оттуда куда-то сковыривать и перевозить»²².

Итак, обитатели хрущевок, выбравшие их по критерию «соразмерности человеку», буквально повторили концепцию архитектора и урбаниста Яна Гейла [Гейл 2012]. Именно об этом говорит наша собеседница, противопоставляя «соразмерную человеку» хрущевку некачественно построенному и не предназначенному для комфортного проживания многоэтажному дому — «человеинику», как такие дома называют некоторые информанты:

¹⁸ М., около 50 лет, записано Ириной Козловой на митинге 21.04.2018.

¹⁹ Светлана Б., 49 лет, высшее образование. Район Покровское-Стрешнево. Интервью записано Александрой Архиновой и Марией Гавриловой 03.02.2017.

²⁰ Елена, 66 лет, высшее образование. Район Беляево. Интервью записано Марией Гавриловой в сентябре 2018 года.

²¹ Ж., около 30 лет, записано Ириной Козловой на митинге 21.04.2018.

²² Алексей В., 54 года, высшее образование. Район Фили. Интервью записано Александрой Архиновой в апреле 2017 года.

Вот, например, я с удовольствием переехала после громадного дома в пятиэтажку «...» дом, вот он такой необычной архитектуры, необычной конструкции — потому что это все соразмерно с человеком. Это не 22 этажа, а это и микрорайон, который пока что остается соразмерным с человеком. Я этот выбор сделала осознанно²³.

Согласно восприятию информантов, в мире пятиэтажек все идеально приспособлено к нуждам человека, и даже дорожки заасфальтированы так, чтобы людям было удобнее ходить:

...вот построили дома, заселили, разбили газоны. Стали смотреть — как вообще люди ходят — а люди ходят как быстрее и короче. По протоптанным тропинкам положили асфальт — поэтому вот эта вот дорога [между хрущевками] косая, которая к метро ведет²⁴.

Про «правильно проложенные» дорожки даже существует устойчивый фольклорный сюжет: их придумал проложить таким образом какой-нибудь известный человек или группа людей. Например, в качестве «культурного героя» может выступать физик И. В. Курчатов — якобы он, возглавив институт, решил проблему хождения по газонам так: распорядился не асфальтировать дорожки на прилегающей к институту территории, пока сотрудники института сами протопчут тропинки там, где им удобнее всего ходить, после чего заасфальтировал их²⁵.

Наши информанты много говорили не только о том, как для них важна комфортная окружающая среда, но и том, что и они сами тоже приложили руку к ее облагораживанию — например, разбили палисадник под окном или установили скамеечки во дворе:

Вот эту вот грушу под окном сажал его [мужа] отец, и вот ту березу — тоже. Здесь же как было — когда заселили эти дома [в начале 1960-х], просто привезли грузовик с саженцами: кто хочет сажать — сажайте²⁶.

Тем самым информанты подчеркивают, с одной стороны, уникальную ценность квартиры в хрущевке, а с другой — свой личный вклад в развитие среды и связь истории своей семьи с районом:

...была деревня. И мы с папой пошли туда «...», и мы у них купили кусты: черной смородины с малинкой, там, тыры-пыры, — и посадили у себя вон там за окном. И когда я была в десятом классе, я после экзаменов ходила и собирала свою кружечку вот этих вот ягодок — очень было трогательно. Вот там еще сажали с мамой нарциссы, тюльпанчики — в общем, было вот такое вот... такая пасторальная картина²⁷.

²³ Мария, 56 лет, высшее образование. Район Филя. Интервью записано Марией Гавриловой в феврале 2018 года.

²⁴ Елена Викторовна, высшее образование. Район Сокольники. Интервью записано Александрой Архиповой в марте 2017 года.

²⁵ См. обсуждение этого сюжета, например, на ресурсе Pikabu [https://pikabu.ru/story/prostaya_genialnost_4051902].

²⁶ Елена Викторовна, высшее образование. Район Сокольники. Интервью записано Александрой Архиповой в марте 2018 года.

²⁷ Елена, 62 года, высшее образование. Район Беляево. Интервью записано Марией Гавриловой в сентябре 2018 года.

Неудивительно, что участники митингов активно поднимали вверх рисунки с зелеными деревьями или лозунги: «5-этажки это — зеленая уютная Москва / На реконструкцию!» (14 мая 2017), «Флора и фауна Москвы — жертвы реновации» (на митингах 28 мая 2017 года и 21 апреля 2018 года), «Мы хотим видеть дальше, чем окна дома напротив!» (28 мая 2017 года). Такие высказывания («Хрущевки — это экологически и социально комфортная для человека среда») — составили в среднем четверть от всех высказываний на митингах. На первом митинге их доля составила 20%, 28 мая она возросла до 27%, 12 июня — упала до 11%, а в 2018 году снова поднялась до 24%. Это довольно высокий показатель, особенно если мы учтем, что собственно политических высказываний — против действующей власти или указаний на то, что закон о реновации нарушает конституционные права — было значительно меньше (об этом см. далее).

Илл. 2. Супруги с самостоятельно нарисованным плакатом на митинге 21 апреля 2018 года. Фотография группы МАФ

«ЗНАТЬ СОСЕДЕЙ В ЛИЦО»: ТЕСНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ КАК ПРЕИМУЩЕСТВО

Другой привилегией жизни в «малоэтажном» микрорайоне является существование местного сообщества, успевшего сложиться за десятилетия. В нарративах противников реновации эта идея часто подчеркивается через рассказы о тесных социальных связях жителей хрущевки:

...это характерная особенность — «...» это вот добрососедские отношения, и люди живут сообществом здесь более-менее. То есть вот ты проходишь вдоль дома, ты в три подъезда можешь зайти точно к приятным для тебя людям²⁸.

Тесные социальные связи ощущаются как совершенно необходимые для пожилых людей — с точки зрения наших собеседников, без них старики не могут существовать:

У нас же люди здесь долго живут «...» опять же, социум — они же все знакомы «...». То есть этим старикам есть с кем общаться. Что самое страшное — это одиночество, да? — для стариков. А у них — подружки, они тут толпами ходят в этом саду, такие, по четыре, всё загорживая. Они живут как в раю²⁹.

Даже те особенности хрущевки, которые, как правило, считаются неудобствами — низкие потолки, маленькие лестничные площадки, отсутствие лифта — противники реновации в своих рассказах превращают в преимущества. Например, отсутствие лифта для них является поводом для общения с соседями:

...я лично считаю, что тут важнее, на самом деле, то, сколько человек живет в подъезде, вот. Просто вот, скажем, пятиэтажный подъезд, там, даже если там по четыре квартиры на этаже, как в стандартной пятиэтажке — ну, это двадцать квартир. Ну, по крайней мере, половину жителей этих квартир я знаю хотя бы в лицо, а с некоторыми даже знаком, вот. И это, на самом деле, важно³⁰.

Для того же информанта личное знакомство с соседями по подъезду становится одним из способов создания дополнительной комфортной среды, «промежуточного пространства между квартирой и улицей»:

И, на самом деле, то, что вот, скажем, в пятиэтажках нет лифтов, про что многие говорят, что это недостаток, как раз тоже, в общем-то, скорее достоинство, потому что лестница — это такое место, где люди между собой взаимодействуют — соседи. «...» это создает некоторое ощущение какого-то вот еще промежуточного пространства между своей квартирой и улицей, вот. Это важно. Потому что, когда ты встречаешь людей только в лифте и вообще не знаешь, с какого они этажа, это неправильно³¹.

²⁸ Елена, 66 лет, высшее образование. Район Беляево. Интервью записано Марией Гавриловой в сентябре 2018 года.

²⁹ Она же.

³⁰ Алексей В., 54 года, высшее образование. Район Филл. Интервью записано Александрой Архиповой в апреле 2017 года.

³¹ Он же.

«СЛОМАЮТ МОЙ МИР»: СТРАХ УТРАТЫ СЕБЯ

Наши информанты болезненно реагируют на риск лишиться собственности и комфорта привычного места обитания, налаженной инфраструктуры и социальных связей. Но настоящая катастрофа для них — это потеря родного, обжитого, до боли знакомого, «своего» мира. Это вызывает у людей ужас и протест:

У каждого есть своя родина. С чего начинается родина? Вот у меня — родина. Я, может, и по миру жила, но, в принципе, это — моя родина. Вот она мне нравится (...). Здесь сочетание среды — а среду нам проектировал архитектор Белопольский — здесь совершенно идеально офигительно грамотно сделано вот сочетание — архитектура вписалась в среду (...). У нас здесь высокая точка, и у нас чистейшая экология, потому что роза ветров построена таким образом, что к нам дует оттуда (...). У нас вот тут дома разбросаны совершенно идеально в плане какой нужно архитектуры³².

Для той части информантов, которым квартира в хрущевке досталась по наследству, или они жили в ней давно, потеря жилья — это потеря памяти: «Все-таки нельзя же окончательно терять память, да? Все-таки здесь умерли его родители. Ну, как-то вот... Этот дом — это уже не просто жилье съемное — это дом»³³. Для тех, кто приобрел хрущевку недавно, этот мир столь же дорогой, сколь и специально созданный под себя:

Мне было очень страшно, что сломают мой мир (...), потому что я эту квартиру долго выбирала. Я выбирала этот вот вид из окна (...). Мне нравятся совы, которые к нам прилетают, белочки, которые прыгают по деревьям. Тишина, 32 квартиры в доме. Тупиковая улица, которая кончается головой Ленина [работы] Вучетича (...). То, что Пастернак написал стихотворение, посвященное Сталину, в ста метрах от моего дома (...). Вот вообще они не понимают значимость вот таких вещей, как атмосфера, память места, деревья, птички — то, что является средой для человека³⁴.

За всеми этими рассказами о «памяти места, птичках и деревьях», повторяющимися из интервью в интервью, проступает идеализированное представление о «своем», знакомом и привычном мире, в котором уютно жить. Любовь не только и не столько к своей квартире, но к своему родному району, к своему соседскому сообществу — то, что можно назвать «локальным патриотизмом» — такие эмоции формируют, в числе прочего, локальную идентичность (подробнее об этом — в одном из дальнейших разделов статьи).

Ощутимый страх потерять привычную «среду обитания», которая заключается не столько в «квадратных метрах», сколько в тех смыслах, которыми нагружено это место, толкает людей включиться в протест против реновации. Одним из высказываний, популярных на

³² Елена, 62 года, высшее образование. Район Беляево. Интервью записано Марией Гавриловой.

³³ Елена Викторовна, высшее образование. Район Сокольники. Интервью записано Александрой Архиповой.

³⁴ Юлия, 45 лет, высшее образование. Тимирязевский район. Интервью записано Александрой Архиповой.

антиреновационных митингах, стал лозунг «несносные москвичи», в котором жители хрущевки не только шутят над властями, с точки зрения которых несогласные горожане являются «досадной помехой», но и как бы уравнивают себя со своими домами: позволить снести свой дом для них значит позволить снести самих себя. Недаром один информант сказал нам о себе как о доме: «Мы против того, чтобы нас сносили и переселяли в муравейники»³⁵.

Страх потерять «свою» среду, а значит, и себя, оказался настолько велик, что значительное количество горожан включилось в борьбу, даже в тех случаях, когда их дом не попал в программу реновации. Особенно это было заметно на массовом митинге 14 мая 2017 года, где среди более чем 20 тысяч участников далеко не все «попали под снос». Одна из наших информанток из района Филя говорила, что, хотя их дому «тьфу-тьфу-тьфу, ничего не угрожает»³⁶, она и ее соседи так испугались, узнав о реновации, что немедленно создали сообщество защитников дома и на ближайших выборах муниципальных депутатов избрали свою представительницу.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРАХ УТРАТЫ СУБЪЕКТНОСТИ: ОТ ВОЗМУЩЕНИЯ К АКТИВИЗМУ

К страху потери обжитого и соразмерного себе пространства присоединяется возмущение по поводу того, «они всё решили за нас». Противники реновации всеми способами подчеркивают свою «субъектность» — они говорят: «я сознательно и целенаправленно выбрал эту квартиру/этот дом/этот район», «я отремонтировал/перепланировал ее», противопоставляя себя «засносникам» (то есть сторонникам реновации), которые ведут себя пассивно и рассматривают себя как объекты заботы со стороны государства:

У тех, кто против реновации — у них всегда на первом месте местоимение «я»: «я эту квартиру купил», «я эту квартиру, там, унаследовал», «я эту квартиру отремонтировал», «я эту квартиру обставил», «я-я-я-я». А те, кто сторонники реновации, у тех как раз никогда не бывает местоимения первого лица: «вот квартира мне досталась от бабушки», «вот обои постепенно облезают», «вот трубы все проржавели», «вот, там еще... потолки, там, побелка сыпется». Вот обои, трубы, побелка — а ты сам где был в это время, а?³⁷

Один из главных лейтмотивов в рассказах о приобретении квартиры в хрущевке — подчеркивание сознательности выбора именно этой квартиры: «Я выбираю не район, я выбираю конкретную квартиру, в конкретном доме, в конкретном месте, с конкретными окнами»³⁸. Этот выбор делается не только по коммерческим соображениям, но и по личным — историческим, культурным, социальным — причинам:

³⁵ Ж., 21 год, записано Еленой Югай на митинге 14.05.2017.

³⁶ Мария, 56 лет, высшее образование. Район Филя. Интервью записано Марией Гавриловой.

³⁷ Светлана Б., 49 лет, высшее образование. Район Покровское-Стрешнево. Интервью записано Александрой Архиповой и Марией Гавриловой в начале апреля 2017 года.

³⁸ Юлия, 45 лет, высшее образование. Тимирязевский район. Интервью записано Александрой Архиповой.

...такие люди, как я — они же специально именно эту квартиру в свое время купили, то есть они что-то продали, что-то на что-то поменяли, и они сделали осознанный выбор, чтобы жить³⁹.

Многие участники протеста говорили нам о том, что их возмущает не только сам факт отъема жилья, но то, в какой форме закон о реновации был преподнесен: «...одно дело — вот я сам решил: я хочу квартиру лучше. Я, там, вкладываюсь, что-то там меняюсь. А то меня хотят — заставляют... “Без меня меня женили”»⁴⁰. Возможность сменить старые квартиры на новые безапелляционно поступает «сверху», без всякого намека на общественный диалог на эту тему:

В целом лейтмотив такой: вот мы решили, и куда вы денетесь. [Меня] как гражданина, конечно, напрягает очень сильно «...». Ведь власть все и всегда пытается делать втихую, никаких заранее обсуждений, слушаний с жителями у нас не принято⁴¹.

В том, как закон о реновации был преподнесен, информантам видится покушение на это право выбора:

...просто так перечеркнуть и выгонять нас, как индейцев в прериях, гонять с одного конца на другой — это вообще полное нарушение наших прав. Есть наше право, свобода выбора — я хочу жить там, где я хочу, и в доме в таком, в каком я хочу⁴².

Другими словами, противников реновации возмущает то, что их лишают субъектности: «И тут кто-то за меня будет решать? А не пошел бы он нафиг!»⁴³. В этой ситуации, как полагают информанты, современная российская власть ведет себя как советский бюрократический институт, превращая людей в «человекоединицы»:

Они воспринимают человека абсолютно как человекоединицу, абсолютно такой советский подход — койкоместо: «Ну, вот у тебя была такая квартира, мы тебе дадим такую же размером. Чё ты возмущаешься?»⁴⁴.

Возмущение из-за того, что московская власть лишает людей субъектности, является частью нарратива о программе реновации. К нему присоединяется опасение, что граждане являются всего лишь «кастом на нефтяной трубе»:

...я не хочу, чтобы в какой-то момент и ко мне тоже пришли и тоже сказали: «Выселяйся, нам там чего-то нужно». Это ж только стоит руки распустить, дальше-то что же? Мы по счету, по крупному счету, вообще здесь не нужны, нужна нефть, газ, а мы вообще люди лишние, совершенно лишние⁴⁵.

³⁹ Мария, 56 лет, высшее образование. Район Фиш. Интервью записано Марией Гавриловой.

⁴⁰ Владимир Николаевич, высшее образование. Район Сокольники. Интервью записано Александрой Архиновой.

⁴¹ Леонид, 66 лет, высшее образование. Район Кунцево. Интервью записано Марией Гавриловой.

⁴² Ж., 66 лет, записано Еленой Югай на митинге 14.05.2017.

⁴³ Светлана Б., 49 лет, высшее образование. Район Покровское-Стрешнево. Интервью записано Александрой Архиновой и Марией Гавриловой в начале апреля 2017 года.

⁴⁴ Юлия, 45 лет, высшее образование. Тимирязевский район. Интервью записано Александрой Архиновой.

⁴⁵ Ж., 60–65 лет, записано Еленой Югай на митинге 14.05.2017.

От чтения закона к гражданскому активизму: появление «борца за свой дом»

Формально говоря, противники реновации выступают против федерального закона о реновации (который, напомним, был принят 1 июля 2017 года). Однако не любят они его за разное и понимают тоже по-разному.

Первое, о чем стоит упомянуть — это отношение к самому тексту закона. Хотя в самом законе и в его версиях очень много особенностей, интересных для специалистов, за тонкостями среди противников реновации если и следят, то единицы:

Я понимаю, что осилить 220 страниц текста и как-то его осмыслить — ну, не каждый, во-первых, как бы сможет, а во-вторых, выделить на это время, да? <...> Тем более, понятно, что язык, которым пишутся все эти документы, он крайне тяжел для прочтения, да? Я уже как бы научился немножко — понимаю, что есть некоторые... как бы технический склад ума, который... как бы вычитать, вычлняя вот это предложение, которое занимает по полстраницы, да?⁴⁶

Второе — именно сложность текста закона для противников реновации является сильным аргументом в пользу того, что бедные обманутые люди не могут понять нормально текст закона и поэтому соглашаются на снос жилья. Именно этим участница акции у Государственной думы 14 июня объясняет тот факт, что не все жители хрущевки протестуют против сноса:

К сожалению, большинство людей [закон] не понимает <...>. Во-первых — это огромный юридический документ, очень путанный. Во-вторых, люди путаются, потому что до этого была лужковская программа, и с расселением пятиэтажек люди связывают именно ее, в которой эти два юридических вопроса не были <...>. Это шло с увеличением площади — раз, и были варианты — два. То есть по факту большинство людей было в этой [лужковской] программе удовлетворено⁴⁷.

Недоверие к тексту закона на самом деле есть частное следствие недоверия к власти в целом. Жители домов, попавших под программу сноса, постоянно ждут обмана и подвоха со стороны тех, кто проводит реновацию. С этим связано появление на митинге 14 мая 2017 года таких лозунгов, как: «Обещать — не жениться! Где гарантии?! Сначала — закон, потом голосование!», «Не хотим кота в мешке!». По мнению противников реновации, закон для властей — лишь способ легализовать рейдерство, возможность обогащения, а вовсе не предложение имущественной помощи москвичам. Именно эту идею снова и снова повторяет наш собеседник — «борец с законом о реновации»:

Если наши власти что-то начинают, то это в угоду только определенным конкретным группам, но никак не для жителей <...>. Прочтя вот этот вот законопроект, в общем-то, все сразу стало более-менее ясно — что это программа, прикрываясь интересами москвичей, совершенно на них не направлена⁴⁸.

⁴⁶ Леонид, 66 лет, высшее образование. Район Кунцево. Интервью записано Марней Гавриловой.

⁴⁷ Ж., 46 лет, записано Еленой Югай на народном сходе около Государственной думы 14.06.2017.

⁴⁸ Леонид, 66 лет, высшее образование. Район Кунцево. Интервью записано Марней Гавриловой.

Даже если, как полагают некоторые участники протеста, новое жилье, которое тебе предложат, будет отвечать твоим требованиям, бороться против закона необходимо в любом случае, поскольку эта история — всего лишь частный случай нарушения конституционных прав:

Я в конституционных правах понимаю плюс-минус ничего! <...> Но если Конституция защищает мое право жить там, где я хочу, значит, у нас хорошая Конституция, и я возмущена тем, что ее нарушают⁴⁹.

Поэтому на акциях протеста нередко поднимают вверх или прижимают к груди Конституцию в качестве своеобразного «плаката», а во время народного схода у Госдумы участники даже привязывали Конституцию к телу красной строительной лентой. Публичная демонстрация книги основного государственного закона — это способ сделать видимой апелляцию к верховенству права. Не случайно на всех уличных акциях протеста против программы реновации 2017–2018 годов одним из самых популярных высказываний был лозунг: «Я против сноса Конституции»⁵⁰.

Именно поэтому первая фаза становления локального активиста — подробное знакомство с законами, за которыми следуют попытки убедить соседей начать отстаивать свои права. Наш информант, владелец квартиры в кунцевской хрущевке, о котором мы упоминали выше, долго разбирался в тексте закона и пришел к выводу, что информация о нем в лояльных СМИ подается так, чтобы люди узнали только часть правды: «Я спрашивал людей: а кто реально [понимает, о чем речь]? <...>. Они не соврали, они просто умолчали»⁵¹. Поэтому он решил прийти к другим жителям своего дома с распечаткой законопроекта, в которой были подчеркнуты наиболее важные места, и объяснить все то, чего они не понимают. Таким образом, мужчина хотел продемонстрировать им «скрываемую правду»: «Говоришь: “Ребят, а вот здесь записано так-то, так-то и так-то. Это как понимать?” <...>. На людей это производит, конечно, некое впечатление»⁵². В результате дом — единственный из всего квартала — не вошел в программу реновации («против» проголосовали 46% собственников). Деятельность по разоблачению закона привела нашего информанта к тому, что он стал активнее участвовать в митингах, затем стал наблюдателем на президентских выборах в 2018 году — хотя до этого в течение двадцати лет не интересовался политикой. Такой путь превращения жителя хрущевки в «гражданина» (как они сами говорят), а на следующем этапе и в политического активиста довольно типичен.

⁴⁹ Светлана Б., 49 лет, высшее образование. Район Покровское-Стрешнево. Интервью записано Александрой Аршиповой и Марией Гавриловой в начале апреля 2017 года.

⁵⁰ Использование Конституции вместо плаката встречалось нам и на других митингах, и согласно нашим наблюдениям особенно популярным стало после 2017 года. Так, с Конституциями выходили многие участники антикоррупционных митингов 26 марта и 12 июня, «Забастовки избирателей» Навального 28 января 2018 года и др.

⁵¹ Леонид, 66 лет, высшее образование. Район Кунцево. Интервью записано Марией Гавриловой.

⁵² Он же.

«Отчаянные домохозяйки»: от плиты до плаката

По нашим наблюдениям, «на передовую» борьбы против программы реновации вышли в основном женщины 35–60 лет. Когда наши собеседники рассказывают историю своего включения в борьбу, они по-разному себя презентуют — в зависимости от гендера⁵³. Мужчины склонны говорить о себе либо как об априори разумных людях, которые всегда были если не политически, то социально активными, либо как о тех, кто принципиально не хотел связываться «со всей этой грязью» — т. е. с политикой. Что касается женщин, то они в интервью конструируют свою «политическую биографию» иначе. Многие женщины представляют себя как аполитичных домохозяек, которые до программы реновации «ничего не понимали в большой политике» и «смотрели кошечек на ютьюбе», а теперь, в течение трех весенних месяцев, превратились в гражданских активистов и включились в антиреновационный протест.

Рассказывая о своем «преображении», они используют довольно-таки драматические краски. Например, пенсионерка из Кунцево говорила нам, что никогда не интересовалась политикой до реновации: «Год назад, когда была объявлена реновация, я в этот момент смотрела по ютьюбу кошечек». Борьба с программой реновации, по собственному призыванию, ее безвозвратно изменила:

Когда объявили реновацию, я настолько углубилась по мере своих сил, ума и возраста в политику, что все, понимаете, я уже никогда другой не стану, потому что я уже вижу всё по-другому (...). И это политика — хочешь ты говорить, что это не политика, не хочешь — от этого никуда не деться, она пришла к нам в дом — все. В мой собственный дом, в мою квартиру пришла политика. Я этого не хотела, я была хорошая добрая тетя на пенсии, а теперь я хожу по митингам. [То есть до этого Вы никогда не ходили?] Да вообще у меня даже в голове не было, я даже не представляла, что что-то не так, я жила себе и жила, растила ребенка и все. А когда это случилось, я открыла глаза, я увидела мир по-другому, я была наблюдателем на выборах⁵⁴.

Именно такие женщины изучали закон, агитировали членов своих семей и соседей приходиться на акции, вели соответствующие группы в социальных сетях — и часть из них в дальнейшем включилась в «большую» политику, выдвинув свои кандидатуры на выборах муниципальных депутатов. Об этом же говорила с нами и политический активист, муниципальный депутат Тимирязевского района Юлия Галямина:

[активисты антиреновационного протеста] остались, они стали продолжать, они стали лидерами какими-то местными, локальными (...). Ну, там у меня, например, есть девушка Ольга — она вообще природный лидер, просто она этого не знала, у нее есть все к этому данные. Моя соседка. Она сейчас уже занимается не только этим, она соседней стройкой какой-то занимается, еще чем-то занимается⁵⁵.

⁵³ О разных гендерных репрезентациях в российских нарративах подробнее см. в книге Нэнси Рис «Русские разговоры» [Рис 2005].

⁵⁴ Ж., 55–60 лет, записано Ириной Козловой на митинге 21.04.2018.

⁵⁵ Юлия Галямина, 1973, муниципальный депутат Тимирязевского района, записано Александрой Архиповой 15.02.2018.

Наша информантка, жительница района Фили, очень эмоционально рассказывает о том, как благодаря страху перед потенциальной потерей жилья одна из обитательниц их хрущевки стала муниципальным депутатом (хотя дом не был включен в программу по реновации): «Одна из жителей нашего дома на последних выборах была выбрана-таки нами, благодаря — я надеюсь, нашим усилиям — депутатом муниципального собрания, и что, да, интерес нашего дома все-таки на определенный период времени будет защищен»⁵⁶. Для нашей информантки борьба против реновации оказалась инструментом, позволяющим взаимодействовать с властью: «Радости нашей не было предела, когда мы увидели, что она [кандидат в мундепы] победила. Это было настолько неожиданно, потому что все десятилетия участия в выборах как жителя страны, как жителя Москвы — они вообще никогда обратной связи ведь не давали»⁵⁷.

Такое превращение «домохозяек» в «активисток» — причем превращение, отрефлексированное самими женщинами — не могло не отразиться на гендерном составе уличных протестных акций.

Как правило, гендерный состав участников московских митингов за последние десять лет описывается формулой «60 на 40» — то есть 60% мужчин на 40% женщин. Иногда разрыв бывает еще сильнее и доходит до 65% против 35% [Архипова и др. 2019: 62; Волков 2012: 20]. Это правило работает и в отношении тех участников митингов, которые держат плакаты.

Однако в 2017 году, во время антиреновационных протестов, такое распределение было нарушено. На первом митинге (14 мая) 61% женщин и 39% мужчин держали плакаты либо другие «сильные высказывания», позже этот разрыв чуть-чуть сократился, но не намного. При этом в том же 2017 году, но двумя месяцами ранее — 26 марта 2017 года — на митинге, организованном в Москве Фондом борьбы с коррупцией, с плакатами и иными знаками протеста присутствовало 35% женщин и 65% мужчин — то есть соотношение было вполне традиционным.

В 2017 году женщины довольно неожиданно берут в руки плакаты — и делают это они именно в процессе защиты своего жилья, а не во время политического конфликта. Мало того: когда протест в 2018 году вошел в финальную стадию, то разрыв между мужчинами и женщинами стал еще сильнее: 32% против 68%. Напрашивается предположение, что протест за свое жилье более чем на две трети стал «женским делом».

Почему женщины в таком количестве и с такой готовностью «вписались» в протест против реновации? Дело в том, что мы недооцениваем силу *secondshift*. Этим термином социолог Арли Хохшильд обозначала ту домашнюю работу, которую женщины должны делать, приходя домой с работы — с той самой «первой смены» [Hochschild, Machung 1990]. Неофициальная, неоплачиваемая, незримая, но от этого не менее важная работа по «оживанию» пространства, которую общество

⁵⁶ Мария, 56 лет, высшее образование. Район Фили. Интервью записано Марией Гавриловой.

⁵⁷ Она же.

возлагает на женщин, заставила именно женщин чувствовать ответственность за «свой дом», причем дом как в «узком» понимании — квартиру, так и в широком — дом, двор, квартал, город и так далее. Как правило, женщины лучше всех знают, где в их районе какой магазин, школа, детский сад, поликлиника или культурный центр. Именно женщины чаще всего принимают решение, в каком доме и районе будет жить их семейство, выбирают вид из окна, двор и парк, где они будут гулять со своими детьми. При поселении семьи на новом месте женщины первыми стараются наладить социальные связи с местными. И сами женщины, и общество в целом привыкли обесценивать такого рода труд и такого рода знания. Однако из-за того, что женщины начинают первыми бить тревогу, если «их дому» угрожает опасность — будь то вырубка нужного им сквера, постройка ненужного им здания, а тем более — снос без их согласия «их крепости» — именно они оказываются на переднем крае политической борьбы. Причем большая часть из них прошла за короткий срок путь не только до «защитниц своего дома», но и активно включилась в политическую жизнь: стали ходить на митинги, в том числе не связанные с реновацией, наблюдать на выборах, а кто-то даже стал муниципальным депутатом.

Табл. 1. Гендерный состав участников антиреновационных митингов⁵⁸ с «сильными высказываниями», в %

«Сильные высказывания»	14.05.2017	28.05.2017	12.06.2017	21.04.2018
Женщины	61	59	58	68
Мужчины	39	41	41	32

Выше мы показали, какие нарративные структуры чаще всего используются для выражения своего недовольства программой реновации: «хрущевка — это соразмерная человеку среда, природа и отлаженная система социальных связей», «оккупанты пришли в мой дом и хотят сломать мой мир», «власть лишает меня субъектности», «я читаю закон и вижу, что нас обманывают» и «политика пришла в мой дом». В следующих трех разделах статьи, используя метод количественного анализа высказываний на публичных протестных акциях, мы расскажем о способах публичной репрезентации людьми своего возмущения и о важности для них различных причин недовольства.

⁵⁸ Как правило, мы знаем пол 65–70% носителей «сильного высказывания» — его не всегда удается определить: например, когда человек на всех фотографиях виден со спины, фрагментарно, или видна только его рука с плакатом. Если мы принимаем за 100% всех оставшихся людей с плакатами в базе (носителей «сильного высказывания»), мы получаем следующие данные (Табл. 1).

«МЫ ПРИШЛИ, ЧТОБЫ СКАЗАТЬ СОБЯНИНУ»: САМЫЕ ПОПУЛЯРНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕДОВОЛЬСТВА НА МИТИНГАХ

В общей сложности противники реновации организовали четыре крупных митинга⁵⁹, и, анализируя материалы, собранные нашей исследовательской группой на этих мероприятиях, мы видим, что в публичном пространстве собственники квартир предъявляли те же самые претензии, что и в интервью. Но благодаря количественному анализу у нас есть возможность оценить, насколько важной для них является та или иная причина недовольства.

Участники митингов 14 и 28 мая с помощью своих плакатов говорили о том, что реновация — это страшная катастрофа в их жизни, сродни войне, геноциду или стихийному бедствию (6–9%)⁶⁰. Протестующие старались — в массовом порядке (27% на митинге 28 мая) — напомнить СМИ и власти о своей комфортной жизни в старых домах, выступали против закона в целом (25%), в защиту прав собственности (от 23 до 13%) и конституционных прав (13%). При этом около 13–14% участников публично демонстрировали свой отказ от неправильной, по их мнению, «заботы» власти⁶¹, потому что закон совершенно не продуман⁶² или же вовсе направлен на сознательный обман⁶³.

Каждый пятый участник первого митинга 14 мая делал резкие высказывания в адрес власти, требовал наказания для Собянина, в том числе и уголовного, или, по меньшей мере, предлагал отправить мэра Москвы в отставку. В дальнейшем доля таких высказываний резко снизилась — вероятно, потому, что москвичи быстро поняли, что, несмотря на их требования, этого не случится. На митинге 21 апреля 2018 (то есть через год) лозунги плакатов если и требовали наказания, то для более локальных представителей власти — например, для сотрудников префектуры, которых участники митинга подозревают в том, что они похитили и подделали протокол общедомового собрания собственников⁶⁴.

Из московских уличных протестов против реновации три митинга прошли в мае-июне 2017 года и один через год — 21 апреля 2018 года, на последний противники реновации собрались немногочисленным составом.

⁵⁹ См. описание митингов в сноске 11.

⁶⁰ Например: «Отнимают недвижимость — отнимают жизнь», «Нет! Разгрому Москвы. Да ремонту и реконструкции», «Реновация делает рабов из нации!».

⁶¹ Например: «Мне не нужна халява», «Оставь нас в покое, Собянин! Нам не нужны новых развалин».

⁶² Например: «Требуем грамотного архитектурного планирования. Руки прочь от зеленых кварталов», «Хватит лепить человеяники. Против законопроекта 120505-7», «Не дадим превратить Москву в бетонное гетто!».

⁶³ «Без лоха жизнь плоха. Не доводите до греха», «Пока ты спишь, не спит жулье и украдут твоё жнлье!».

⁶⁴ Лозунг на одном из плакатов на митинге 21 апреля 2018 года: «Управой р-на Северное Измайлово и префектурой ВАО совершено уголовное ПРЕСТУПЛЕНИЕ ст. 325 УК РФ — похищение или повреждение документов (протокол ОСС о невхождении в реновацию), ст. 330 УК РФ — самоуправство. Чиновникам закон не писан?».

Табл. 2. Доля участников митингов с разными типами «сильных высказываний» на акциях против реновации⁶⁵, в %

Тип высказывания	14.05. 2017	28.05. 2017	12.06. 2017	21.04. 2018
против закона о реновации в целом	25	25	21	15
защита собственности	23	13	5	6
защита своих конституционных прав	13	12	6	5
хрущевки — это социальный и экологический комфорт	20	27	11	24
реновация — это катастрофа	9	6	2	5
политические высказывания против власти	20	14	12	13
отказ от деспотичной «заботы» власти	13	14	7	8
власть должна выполнить свои обещания	0	1	4	9

Из всей повестки⁶⁶, волнующей протестующих, на высоком уровне частотности остались высказывания об экологичной и комфортной среде — четверть всех «сильных высказываний» была посвящена этому. Таким образом, подтвердилась устойчивость этого лейтмотива среди собственников жилья.

Единственный новый мотив, появившийся на митинге 21 апреля 2018 года — это обращение к власти с требованием выполнения обязательств — подобных высказываний на плакатах 21 апреля было 9%. Причина этого в том, что к антиреновационной повестке со временем подключились «обманутые дольщики», которые посчитали подходящим поводом для напоминания о себе московской власти митинги против реновации и довольно органично вписались со своей субповесткой в общую повестку недовольства градостроительной политикой Москвы. Участники с помощью своих плакатов и перформансов напоминали о невыполненном долге и воплощали публичный ритуал вины и позора: «Правительство, выполни взятые на себя обязательства перед очердниками», «Химки, Сходня, Вишневая 21. 16-летний долгострой. Стыдно за вас, чиновники!».

⁶⁵ Один человек может быть носителем более одного высказывания — например, держать два плаката, или текст на плакате может содержать много разных «мотивов», поэтому сумма в одной колонке может быть больше 100%.

⁶⁶ Митинг 21 апреля 2018 года превратился в «ярмарку» политических интересов, где присутствовало множество групп, каждая со своими социальными и политическими интересами: 44% высказываний не имело отношения к борьбе против реновации.

Локальная идентичность участников протеста

Теоретически на любом митинге можно увидеть плакаты, на которых люди высказываются от имени своего локального сообщества — например, на градозащитных мероприятиях. Однако на политических акциях такие случаи очень редки, например, во время митингов зимы 2012 года их частотность была минимальной: 1% (в абсолютных цифрах в нашей базе встречается 1–2 подобных плаката на 200 объектов). Иную картину мы наблюдали на московских протестах против закона о реновации. На первом митинге, 14 мая, 21,6% «сильных высказываний» представляли собой репрезентацию жителей дома, улицы, района. На митинге 28 мая это количество незначительно увеличилось — 23%, затем упало к 12 июня (14%) и вновь резко возросло до 27% 21 апреля 2018 года⁶⁷.

Всего на четырех митингах нами были зафиксированы «сильные высказывания» от имени 58 районов⁶⁸ (выраженные в плакатах, растяжках, ленточках, значках). В программе Правительства Москвы по сносу хрущевок упоминается 75 районов. В протестных высказываниях на тех четырех митингах, которые мы промониторили, фигурировали 74% от числа сносимых районов⁶⁹. При этом на первом митинге, 14 мая 2017 года, в протестных плакатах упоминался только 31% районов, попавших в программу по реновации, а на втором митинге, 28 мая 2017 года, количество упомянутых районов возросло до 52%. Важно понимать, что далеко не все пошли на оба митинга 14 и 28 мая — как правило, люди выбирали один из них.

О резком усилении ощущения локальной групповой идентичности свидетельствует тот факт, что на антиреновационных митингах количество высказываний с местоимением «мы» («Мы против реновации») было больше, чем на плакатах с политических митингов. На митинге 28 мая число «мы-высказываний» в два раза превышало количество «я-высказываний», по сравнению с митингом 14 мая.

⁶⁷ 12 июня количество упоминаний на плакатах своих районов упало до 16% (впрочем, еще раз напомним, что 12 июня реновация не была основной повесткой, так что этот процент все равно можно считать очень большим), а 21 апреля 2018 года разнообразие районов снизилось до 12%.

⁶⁸ Академический район, Алексеевский, Аэропорт, Басманный, Беговой район, Богородское, Бутырский, Войковский, Головино, Даниловский район, Донской, Дорогомилловский, Замоскворечье, Зюзино, Измайлово, Котловка, Красносельский, Кузьминки, Кунцево, Лефортово, Ломоносовский, Лосиноостровский, Люблино, Марфино, Марьино роща, Метрогородок, Можайский район, Москворечье-Сабурово, Нагатинский затон, Нагатинно-Садовники, Нагорный, Нижегородский район, Останкино, Очаково, Перово, Преображенка, Пресня, Раменки, Савеловский, Свиблово, Сокол, Соколиная гора, Сокольники, Тверской, Тимирязевский, Тропарево-Никулино, Тушино, Филан-Давыдовское, Химки, Хамовники, Хорошево-Мневники, Царицыно, Черемушки, Щербинка, Щукино, Южнопортовый (Дубровка), Якиманка, Ярославский.

⁶⁹ На первых двух митингах от суммы всех плакатов с локальной идентичностью больше всего было плакатов Ломоносовского и Пресненского районов. Показательно, что именно в этих районах через несколько месяцев независимые муниципальные депутаты получили большинство голосов или победили. В третьем по частотности районе — Кузьминках — на выборах мундепов победила «Единая Россия». Однако на первом митинге локальное сообщество Кузьминок на плакатах не упоминалось, оно появилось на втором митинге и стало одним из самых часто встречающихся на плакатах 12 июня, когда антиреновационный протест стал стихать. Можно предположить, что они «взяли пример» с других, более активных районов.

Илл. 3. Группа жителей Красной Пресни на митинге 21 апреля 2018 года. Фотография группы МАФ

Удельная доля индивидуальных высказываний — с местоимением «я» — снижалась от митинга к митингу, то есть индивидуальное высказывание о собственных проблемах не считалось продуктивным, «престижным». Зато процветали высказывания от групп людей о нуждах целого района или даже всего города.

Участники митинга, желающие выразить свою локальную идентичность и высказаться от имени местного сообщества, иногда просто называли на плакате свое место жительства: например, «Тенистый, 10» или «Дом Константинова», «ул. Комдива Орлова», «Черемушки против реновации», «Защитим Богородское». Помимо таких прямых способов указания на свое локальное сообщество наблюдались и другие, весьма нетривиальные.

Некоторые участники создавали сложные конструкции, используя для этого знаки-индексы⁷⁰. Так, 14 мая и 28 мая протестующие указывали на свою принадлежность району «Красная Пресня», повязывая на шею красный «пионерский» галстук или красную косынку на голову (как на советском плакате «Не болтай!») — причем они делали это централизованно. 21 апреля 2018 года та же группа уже вовсе изображала на своих плакатах пионеров в качестве индекса (Илл. 3). Другие участники персонифицировали свой район в виде животного или сказочного персонажа: «Лось не олень, он против реновации» (Лосиный остров), «Кузя зол» (Кузьминки). Лось и кот Кузя оказались индексами, указывающими на название района (Илл. 4).

⁷⁰ То есть тип знака, указывающий на объект по ассоциации. Например, дым над печной трубой на картинке является знаком-индексом дома [Reitse 1868]. См. об этом подробнее также [Архипова и др. 2018б].

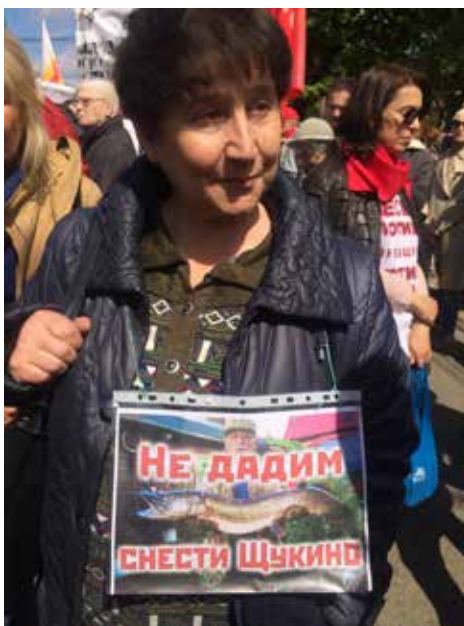
Илл. 4. Участница антиреновационного митинга 12 июня 2017 года на проспекте Сахарова. Фотография группы МАФ

Некоторые участники предпочитали использовать знак-икону⁷¹. На митинге 28 мая женщина около 60 лет держала в руках плакат, на котором был изображен рыбак с огромной щукой в руках (Илл. 5) — таким образом она представляла противников реновации из района Щукино. Другой участник митинга 28 мая прикрепил себе на голову листочек, на котором было написано «Головино против сноса». На митинге 14 мая девушка была одета в сарафан и веночек — она своим нарядом изображала «икону» — эмблему района Марьиной рощи (Илл. 6). Если автор плаката с нарисованной щукой сделала содержание своего высказывания довольно прозрачным, то в последних двух случаях реципиенту предлагалось разгадать ребус или шараду, чтобы понять, о чем идет речь.

Использование ребусов и шарад в названии локального сообщества возникает не случайно. Так достигается специфическая коммуникативная цель: они заставляют наблюдателя тратить некоторые усилия на дешифровку сообщения — подобные «сильные высказывания» привлекают больше внимания и за счет этого лучше запоминаются. Участники митинга с более «традиционными» плакатами постфактум говорили в интервью, как их поразила креативность других участников, и они жалели, что сами не сделали такие же «интересные» плакаты⁷².

⁷¹ То есть знак, который изображает собой объект напрямую — так знак дорожного движения, где нарисованы дети, переходящие дорогу, является «иконой», потому что напрямую указывает на детей, переходящих дорогу.

⁷² Например: «[Что было написано на вашем плакате?] Ну, что-то типа: “Руки прочь от Москвы”, да?.. “Фили-Давыдовское против реновации”. Хотя там, в общем-то, столько проявили люди фантазии, креа-

Илл. 5. Жительница района Щукино на митинге 28 мая 2017 года.
Фотография группы МАФ

Илл. 6. Жительница района Марьино на митинге 14 мая 2017 года.
Фотография группы МАФ

Это говорит нам о том, что люди ощущают себя не атомизированными одиночками со странными претензиями, а сообществом. Свою принадлежность к коммьюнити они выражают через привязку к локусу — а локус (Лосиный остров, Щукино, Кузьминки или Головино) репрезентуют через символ (лось, щука, кот Кузя и голова). Демонстрация этих символов составляет сообщение — «мы больше, чем жители отдельных квартир, вы нападаете на целые районы, и они готовы дать вам отпор».

ПЕРЕЧЕРКНУТЫЙ ЭКСКАВАТОР И КРАСНО-БЕЛАЯ ЛЕНТА: КАК ОДИНОЧКИ СТАНОВЯТСЯ ГРУППАМИ

«Голоса» участников митинга (проявление их политической или социальной позиции через «сильные высказывания») могут быть выражены двумя основными способами, разница между которыми существенна для нашего исследования. Первая стратегия — институционализированная — предполагает, что участник митинга может прийти на акцию и там на месте взять у представителей организаторов плакат, значок или ленту (или самостоятельно дома распечатать плакат, предлагаемый организаторами). Этим действием он, во-первых, соглашается с повесткой организаторов, а во-вторых, становится еще одним «голосом» для этой повестки. Вторая стратегия предполагает, что участник (или группа участников) приходит со своим собственным высказыванием. Он — один или с группой единомышленников — дома или непосредственно во время акции создает такое высказывание, которое полностью отвечает его собственным представлениям о происходящем. Эти высказывания совершенно не обязательно совпадают с высказываниями организаторов — то есть основной повесткой акции. Такой тип высказываний мы называем вернакулярными (с некоторыми оговорками их можно также назвать «народными»).

Для нашего исследования именно совокупность вернакулярных высказываний, или голосов *grassroots*, представляет особый интерес. Хотя им уделяют незаслуженно мало внимания (в частности, СМИ не любят их по «эстетическим» соображениям: красивые молодые люди с большой яркой растяжкой, сделанной организаторами типографским способом, с их точки зрения, выглядят привлекательнее, чем бабушка с текстом, написанным карандашом на тетрадном листочке), именно такие «голоса» на самом деле и являются главной движущей силой протеста.

На первом митинге, 14 мая 2017 года, практически не было институционализированной повестки, предлагаемой организаторами в виде унифицированных знаков протеста: 98% «сильных высказываний» были вернакулярными, то есть созданными людьми самостоятельно. На этой стадии участники протеста (а протестом мы здесь считаем не только

тива» [Леонид, 66 лет, высшее образование. Район Кунцево. Интервью записано Марией Гавриловой].

сам факт физического присутствия в определенные часы на площади, но и активное обсуждение закона в социальных сетях и тематических пабликах) еще не ощущали себя как некое единое «движение против реновации». Скорее можно говорить о довольно большом количестве активистов, многие из которых стали таковыми во время попыток отстоять свой дом от включения в программу по реновации в марте-мае 2017 года. Подобные grassroots-активисты и привели за собой людей на проспект Сахарова 14 мая. Поэтому необычно низкий процент участников протеста чувствовал потребность в унификации: только 1% участников использовал для самоидентификации в качестве активного борца с реновацией изображение перечеркнутого экскаватора.

Однако после первого и чрезвычайно успешного митинга ситуация резко изменилась. Жители хрущевки начали чувствовать себя частью некоего протестного движения, и активисты стали задумываться о необходимости унификации символики. Самым успешным таким символом стала красно-белая строительная лента. Активистка борьбы против реновации, муниципальный депутат Юлия Галямина, рассказала нам о концепции этого символа, возникшего в промежутке между 14 и 28 мая 2017 года:

Потом мы придумали символ — красно-белую ленту. Я уж не помню, кто это придумал (...) я в какой-то момент поняла, что протесту нужен символ, и стала его осознанно вводить. Мы все книжечки по организации протеста читали, и символ у движения должен быть — для того, чтобы проще. Тем более, что лента дает возможность как бы выйти — и ты вообще ничего не делаешь⁷³.

Наличие удачного символа позволило активистам борьбы против реновации использовать новые форматы протестных акций (например, «модные показы: как носить ленту»; обматывание лентой Госдуму):

И мы стали проводить встречи по раздаче ленты. Мы купили ленты этой за три копейки — она стоит три копейки — и просто с Яшей Якубовичем вышли и всем отрывали эту ленту. (...) Значит, мы постили всякие фотографии, как можно носить ленту — на машинке, на сумочке, на шее, на руке и так далее. Ну, то есть модные показы — как можно надеть ленту. Потом мы стали обматывать этой лентой Госдуму — тоже была история⁷⁴.

Юлия вскользь упоминает весьма важное наблюдение: участники протеста не хотели покупать ленту заранее, а стремились взять ее на месте — то есть на митинге, потому что так они сильнее чувствовали свою сопричастность: «И люди: “Мне еще дайте! Мне еще на бабушку, на дедушку, на соседей, там, ленты дайте”. Ребята, строительный магазин — пойдите, купите. Нет, надо было прийти, приобщиться, взять эту ленту из одного клубка, так скажем»⁷⁵.

Постепенно использование строительной ленты стало распространенным явлением в протестных акциях. 9 июня во время пикетов

⁷³ Юлия Галямина, 1973, муниципальный депутат Тимирязевского района, записано Александрой Архиповой 15.02.2018.

⁷⁴ Она же.

⁷⁵ Она же.

у Госдумы участники протеста обматывали себя красно-белой лентой и привязывали к телу Конституцию с помощью этой ленты.

Так за короткий период времени — две недели — ситуация с «голосами снизу» и стремлением к унификации кардинально поменялась. На митинге 28 мая количество знаков протеста, созданных самостоятельно участниками протеста, упало с 98% до 56%, а 44% знаков протеста представляли собой институционализированные высказывания, распространяемые организаторами. Среди наиболее успешных институционализированных высказываний, способствующих солидаризации, 20% пришлось на долю красно-белой ленты, рекламируемой группой Юлии Галяминой, и 4% — на изображение перечеркнутого экскаватора. 21 апреля 2018 года институционализированных высказываний было уже 67,5% (Табл. 3).

Табл. 3. Вернакулярные и институционализированные «сильные высказывания», в %

«Сильные высказывания»	14.05.2017	28.05.2017	12.06.2017	21.04.2018
Вернакулярные	98	56	39	24,5
Институционализированные	2	44	61	67,5

Эта таблица показывает, как реакция отдельных людей на программу реновации оформляется в гражданское движение. Появление 44% институционализированных высказываний в руках участников уже на втором митинге и увеличение их доли до 67,5% на последней акции выявляет механизм гражданской унификации.

Во-первых, по мере развития протеста среди участников появляются и утверждаются знаки-индексы, причем выживают те из них, которые охотно приняло большое количество протестующих. Такими удачными знаками-индексами оказались и общая для всех красно-белая лента, и локальный красный галстук. Во-вторых, митингующие хотят продемонстрировать не свое частное высказывание, а высказывание от лица своей локальной группы. Обе стратегии приводят к увеличению количества институционализированных голосов и падению процента индивидуальных высказываний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЧЕГО БОЯТСЯ И ЗА ЧТО СРАЖАЮТСЯ ПРОТИВНИКИ РЕНОВАЦИИ?

Как мы видим из нашего исследования, против программы реновации в Москве протестуют представители среднего класса, которые недавно (в течение последних 5–7 лет) приобрели квартиру

в хрущевке в собственность, сделав при этом осознанный выбор. Поскольку этот выбор часто был сделан матерями семейств, именно женщины в возрасте от 35 до 60 лет, защищая свой дом, за короткий срок стали активистами протеста и на 15–20% увеличили присутствие женщин в поле публичного политического протеста. Если ранее с плакатами на акциях предпочитали выступать молодые мужчины, то на антиреновационных митингах «говорят» в основном женщины среднего и старшего возраста — и именно их «дискурс» формирует протестную повестку.

Из анализа дискурса — как интервью, так и текстов плакатов — мы видим, какие нарративные структуры повторяются вновь и вновь. И так создается текст антиреновационного активиста, который призван предьявить *urbi et orbi*, за что надо бороться и чего надо бояться.

Итак, за что борются собственники квартир в хрущевках? Отчаянная защита «хрущевки» связана прежде всего с ощущением пятиэтажки как «соразмерного жилья», максимально адаптированного под нужды человека — социальные и экологические (в отличие от многоэтажек). Возможно, если бы собственникам «ветхого» жилья предложили аналогичные дома — не многоэтажки, а низкоэтажные, в зеленом окружении, в том же районе — они действительно были бы довольны, и тогда никакого протеста бы не возникло.

А страх потери «своего» мира и впечатление, что власть принимает закон не в интересах москвичей, обманывает их, отказывает им в субъектности, не видя в них тех, с кем можно и нужно считаться, заставляет жителей хрущевок (многие из которых не имели до этого никакого отношения к гражданскому активизму) принять на себя роль «борца за свое жилье», а потом и «гражданского активиста». Их зона ответственности стремительно, за пару месяцев, расширяется — вместе с увеличением плотности связей внутри локального сообщества. Они чувствуют ответственность за дом, двор, улицу, район и Москву в целом. Постепенно собственники квартир включаются в борьбу за место муниципальных депутатов — и это происходит даже в том случае, когда дом не попадает в программу по реновации, но страх его обитателей перед такой судьбой пробуждает в жителях гражданскую позицию, что, в свою очередь, приводит к массовым митингам. Собственники жилья, которые впервые оказались на митинге и не были до этого гражданскими активистами, стремятся объединиться в сообщество по двум признакам. С одной стороны, указывая на плакате название своего района: говоря не «я», но «мы», протестующие стремятся репрезентировать голос локального сообщества, «усиливая» таким образом и свой голос, и слабые связи. С другой стороны, повязывая красную строительную ленту, они стремятся к общегражданскому объединению.

Что антрополог может порекомендовать девелоперу?

Какой практический вывод можно сделать из нашего исследования, который мог бы оказаться полезным урбанистам, девелоперам и городской администрации?

Первая рекомендация касается общего подхода: планы по модернизации жилых территорий нельзя осуществлять в режиме «спецопераций», пытаясь «продать» людям одно вместо другого побыстрее, чтобы те не успели сообразить, что происходит. Кроме того, не следует думать, что люди всегда ждут от государства «подарков» и «халявы» — это часто воспринимается как лишение субъектности, особенно среди тех, кто сам купил и с большим трудом переделал свою квартиру. Патронаж может оскорбить людей, вследствие чего даже действительно выгодные предложения могут быть восприняты ими в штыки.

Вторая рекомендация заключается в предложении заранее проводить социологическую и антропологическую рекогносцировку и пытаться выяснить целевую группу и ее глубинные причины, заставившие выбрать именно такое жилье. В случае реновации основной социальной группой, чьи интересы были задеты, оказались женщины 35–60 лет. Жилье и окружающее пространство — это зона их социальной ответственности, поэтому без согласования с ними никакие планы по преобразованию осуществлять не стоит. А глубинная причина стремления жить именно в хрущевке — это желание обладать именно «соответствующим жильем», близким к природе, и внутри невраждебного сообщества.

И третья рекомендация заключается в необходимости на самом раннем этапе если и не привлекать жителей к обсуждению планов изменения места их обитания (что вообще-то следовало бы делать), то, по меньшей мере, спрашивать людей, какими они видят перспективы развития их жизненного пространства. Люди хотят знать, что происходит, и иметь рычаги воздействия на касающиеся их процессы. Если у них такие рычаги отбирают, люди ищут и находят другие способы воздействия — в том числе, и уличные протесты.

Послесловие, или «мы ответим вам на выборах»

Постепенно накал страстей по поводу реновации утих — а ощущение конфликта сохранилось. Как нам сказали в разговоре две жительницы хрущевки: «Так, спокойствие! Никто никуда не переезжает! Собянин умрет, а мы останемся! Лена, Лена, мы останемся!» — «Мы останемся. Я уже теперь как это... покупаю ружье — я буду отстреливаться. Да»⁷⁶.

⁷⁶ Разговор между двумя информантками: Еленой, 66 лет (высшее образование, район Беляево), и Еленой, 62 лет (высшее образование, район Беляево). Интервью записано Марией Гавриловой 19.09.2019.

Те из активистов борьбы, которые не вернулись к обычному состоянию не-гражданина, стали участвовать в активной политической жизни – в выборах мундепов или выступать в качестве наблюдателей на выборах. И ждать. Одна женщина 58 лет пришла на митинг 14 мая 2017 года с плакатом: «Мы ответим вам на выборах». Так и получилось – одним из объяснений быстрой и активной мобилизации москвичей летом 2019 года является то, что за те два года, которые прошли со времен наиболее активной фазы протеста против реновации (а потом и пенсионной реформы летом 2018 года), в сфере защиты прав горожан успело сформироваться сплоченное сообщество – мотивированное, подкованное юридически и уже имеющее готовые каналы коммуникации, часто состоящее из женщин (след этого мы видим и в том, что количество женщин в политических московских протестах выросло на 10%).

Но это уже совсем другая история.

Литература

- Айбар, Э., Бейкер, У. Э. (2017). Конструируя город: план Серда по расширению Барселоны. *Социология власти*, 29(1), 203–229.
- Алексеевский, М. (2017, 1 ноября). Страна компромиссов. О каком жилье мечтают россияне и что они в итоге покупают. *Strelka Mag*. Режим доступа: <https://strelkamag.com/ru/article/house>
- Андреева, Н. (2017, 10 марта). Законопроект о сносе пятиэтажек в Москве внесли в Госдуму. *Слово без границ*. Режим доступа: <http://wordyou.ru/230859-zakonoproekt-o-snose-pyatietazhek-v-moskve-vnesli-v-gosdumu%e2%80%8d.html>
- Архипова, А. С., Белянин, С. В., Кирзюк, А. А., Козлова, И. В., Радченко, Д. А., Югай, Е. Ф. (2018б). Жизненный цикл мема... в чайках, бакланах и уточках. *Искусство кино*, 2018(1–2), 300–312.
- Архипова, А. С., Радченко, Д. А., Титков, А. С., Козлова, И. В., Югай, Е. Ф., Белянин, С. В., Гаврилова, М. В. (2018а). «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете. *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*, 143(1), 12–35. Режим доступа: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/246>
- Архипова, А., Волкова, М., Кирзюк, А., Радченко, Д., Титков, А. (2017). *Мониторинг актуального фольклора – 2016: методы и результаты*. М.: Издательский дом «Дело».
- Архипова, А., Захаров, А., Козлова, И., Гаврилова, М. (2019). Демография протеста: состав и динамика участия. В К. Рогов (Ред.). *Встречная мобилизация. Московские протесты и региональные выборы – 2019. Аналитический доклад. Серия «Либеральная миссия – Экспертиза»*, 7, 58–68. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Бекбулатова, Т., Воронов, А., Иванов, М. (2017, 10 марта). Реновация на марше. В Госдуму вносится законопроект, упрощающий снос столичных пятиэтажек. *Газета «Коммерсант»*, 40. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3237430>.
- Волков, Д. (2012). *Протестное движение в России в конце 2011–2012 годов: истоки, динамика, результаты*. М.: Аналитический центр Юрия Левады.

- Галямина, Ю., Карнаухов, А., Липин, Д., Петров, А., Ребров, Д., Рожков, Е., Шулика, К. (2018). *Реновация. Итоги. Доклад*. М.: Штаб защиты москвичей. Режим доступа: <http://www.dolewka.ru/sites/default/files/upload/doklad-shtaba-zachiti-moskvicey.pdf>
- Гейл, Я. (2012). *Города для людей*. М.: Альпина Паблишер.
- Голунов, И. (2017, 15 августа). Кто придумал реновацию. Московские власти планировали массовую программу сноса три года, а потом решили сделать ее политическим проектом. *Meduza*. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/08/15/kto-pridumal-renovatsiyu>
- Гудков, Г. (2017, 16 мая). Последний распил Москвы или как Собянин сдает столицу. *Открытый город*. Режим доступа: <https://www.opentown.org/news/153261/>
- Гудков, Дм. (2017, 11 марта). Законопроект о сносе пятиэтажек. *Besttoday.ru*. Режим доступа: <http://besttoday.ru/posts/15056.html>. (In Russian).
- Дейк, ван, Т. А., Кинч, В. (1988). Стратегия понимания связного текста. В В. В. Петрова, В. И. Герасимова (Ред.). *Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивный аспект языка, вып. 23*, 153–211. М.: Прогресс.
- Ерпылева, О. В. (2019). Стратегии согласования интересов государства и протестных движений в градостроительной политике (На примере «Московской программы реновации жилья»). В Л. А. Гайнутдинова, М. В. Невзоров (Ред.). *Город. Среда. Политика. 2018: сборник материалов научно-практической конференции*, 12–19. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена.
- Ерпылева, С. В., Магун, А. В. (Ред.). (2015). *Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов*. М.: Новое литературное обозрение.
- Клеман, К. (Ред.) (2013). *Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому*. М.: Новое литературное обозрение.
- Клеман, К., Мирясова, О., Демидов, А. (2010). *От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России*. М.: Три квадрата.
- Мароховская, А., Долинина, И. (2017, 20 ноября). Бот и вся реновация. Как правительство Москвы имитировало кампанию за снос пятиэтажек в социальных сетях. *ЦУРреализм. Центр управления исследованиями*. Режим доступа: <https://medium.com/@tzurrealism/renovatsia-5bfc4f31f2a2>
- Рис, Н. (2005). *«Русские разговоры»: Культура и речевая повседневности эпохи перестройки*. М.: Новое литературное обозрение.
- Сото, де, Э. (Автор), Пинскер, Б. (Пер.). (2008). *Иной путь: Экономический ответ терроризму*. Челябинск: Социум.
- Стрыгина, Е. (2017, 7 февраля). Под Московскими хрущевками зашаталась почва. *Вести. Россия-1 HD*. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=tFFU25wCхuA>
- Тыканова, Е. В. (2013). Влияние городских политических режимов на ход оспаривания городского пространства (на примере Санкт-Петербурга и Парижа). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 16(3), 112–123.
- Тыканова, Е. В. (2019). Уровни участия локальных активистов в борьбе за городское пространство. В Л. А. Гайнутдинова и М. В. Невзоров (Ред.). *Город. Среда. Политика. 2018: сборник материалов научно-практической конференции*, 37–42. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена.
- Arkhipova, A., Doronin, D., Iougai, E., Kirziouk, A., Radtchenko, D., Titkov, A., Volkova, M. (2017). *Légitimation et disqualification par l'histoire dans les manifestations de rue en Russie. Social Movement, 2017*(July-September), 129–148.
- Chen, C.-J. J. (2009). Growing social unrest and emergent protest groups in China. In H. Huang, M. Hsiao, C. Lin (Eds.) *Rise of China. Beijing's strategies and implications for the Asia-Pacific*, 87–106. London: Routledge.

- Gransow, B. (2014). Reclaiming the neighbourhood. Urban redevelopment, citizen activism, and conflicts of recognition in Guangzhou. *China Perspectives. Contested Urban Spaces*, 2014(2), 17–27.
- Hochschild, A., Machung, A. (1990). *The second shift*. New York: Avon Books.
- Janoff-Bulman, R., Timko, Ch., Carli, L. (1985). Cognitive biases in blaming the victim. *Journal of Experimental Social Psychology*, 21(2), 161–177.
- Kuymulu, M. B. (2014). Growth and revolt: Resisting urban redevelopment in Turkey. *Sociologia Urbana e Rurale*, 2014(104), 44–66.
- Lee, S. Y. (2014). *New-build gentrification and anti-gentrification movements in Seoul, South Korea*. London: King's College.
- Menahem, G. (1994). Urban regimes and neighborhood mobilization against urban redevelopment: The case of an Arab-Jewish neighborhood in Israel. *Journal of Urban Affairs*, 16(1), 35–50.
- Peirce, Ch. S. (1868). On a new list of categories. *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences*, 1868(7), 287–298.
- Shin, H. B. (2018). Urban movements and the genealogy of urban rights discourses: The case of urban protesters against redevelopment and displacement in Seoul, South Korea. *Annals of the American Association of Geographers*, 108(2), 356–369.

References

- Aibar, E., Bijker, W. E. (1997). Constructing the city: The Cerda plan for the extension of Barcelona. *Sociology of Power*, 29(1), 203–229. (In Russian).
- Alekseevsky, M. (Author), Tumarkina, A. (Transl.). (2017, November 1). The Russian housing dream vs reality. *Strelka Mag*. Retrieved from <https://strelkamag.com/ru/article/house> (In Russian).
- Andreeva, N. (2017, March 10). The bill on the demolition of five-storey buildings in Moscow introduced to the State Duma. *WordYou.ru*. Retrieved from <http://wordyou.ru/230859-zakonoproekt-o-snose-pyatietazhek-v-moskve-vnesli-v-gosdumu%e2%80%8d.html> (In Russian).
- Arkhypova, A., Belyanin, S., Kirzyuk, A., Kozlova, I., Yugai E. (2018b). Life cycle of a meme in seagulls, cormorants and ducks. *Art of Cinema*, 2018(1–2), 300–312. (In Russian).
- Arkhypova, A., Radchenko, D., Titkov, A., Kozlova, I., Yugai, E., Belyanin, S., Gavrilova, M. (2018a). “Re-construction of rallies”: Internet in protests and protests on the Internet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 143(1), 12–35. Retrieved from <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/246> (In Russian).
- Arkhypova, A., Doronin, D., Iougai, E., Kirziouk, A., Radtchenko, D., Titkov, A., Volkova, M. (2017). Légitimation et disqualification par l’histoire dans les manifestations de rue en Russie. *Social Movement*, 2017(July-September), 129–148. (In French).
- Arkhypova, A., Volkova, M., Kirzyuk, A., Radchenko, D., Titkov, A. (2017). *Monitoring of current folklore – 2016: Methods and results*. Moscow: Izdatel'skiy dom “Delo”. (In Russian).
- Arkhypova, A., Zakharov, A., Kozlova, I., Gavrilova, M. (2019). Demographics of protest: membership and dynamics of participation. In K. Rogov (Ed.). *Counter-mobilization. Moscow protests and regional elections – 2019. Analytical report. Series “Liberal Mission – Expertise”, issue 7*, 58–68. Moscow: “Liberalnaya missiya”. (In Russian).
- Bekbulatova, T., Voronov, A., Ivanov, M. (2017, March 10). Renovation on the march. A bill is being introduced to the State Duma that simplifies the demolition of five-storey buildings in the capital. *Kommersant*, 40. Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/3237430> (In Russian).

- Chen, C.-J. J. (2009). Growing social unrest and emergent protest groups in China. In H. Huang, M. Hsiao, C. Lin (Eds.) *Rise of China. Beijing's strategies and implications for the Asia-Pacific*, 87–106. London: Routledge.
- Clement, C. (Ed.). (2013). *Urban movements of Russia in 2009–2012: On the path to the political*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Clement, C., Miryasova, O., Demidov, A. (2010). *From laymen to activists. The nascent social movements in modern Russia*. Moscow: Tri kvadrata. (In Russian).
- Dijk van, T. A., Kinch, V. (1988). Strategies of discourse comprehension. In V. Petrova, V. Gerasimova (Eds.). *New in foreign linguistics. The cognitive aspect of language, issue 23*, 153–211. Moscow: Progress. (In Russian).
- Erpyleva, O. (2019). Strategies for reconciling the interests of the state and protest movements in urban planning policy (for example, the “Moscow housing renovation program”). In L. A. Gainutdinova, M. V. Nevzorov (Eds.). *City. Environment. Policy. 2018: Collection of materials of the research and practical conference*, 12–19. St. Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Herzena. (In Russian).
- Erpyleva, S., Magun, A. (Eds.). (2015) *Politics of the apolitical: Civil movements in Russia 2011–2013*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Galyamina, Yu. (Author), Karnaukhov, A. (Author), Lipin, D. (Author), Petrov, A. (Author), Rebrov, D. (Author), Rozhkov, E. (Author), Shulika, K. (Author), Zhuravleva A. (Ed.). (2018). *Renovation. The results. Report*. Moscow: Shtab zashchity moskvichej. Retrieved from <http://www.dolewka.ru/sites/default/files/upload/doklad-shtaba-zachiti-moskvichej.pdf>. (In Russian).
- Gehl, J. (2012). *Cities for the people*. Moscow: Alpina Publisher. Retrieved from <http://krost-concern.ru/upload/cities-for-people-1chapter.pdf>. (In Russian).
- Golunov, I. (2017, August 15). Who invented the renovation. Moscow authorities had been planning a massive demolition program for three years, and then decided to make it a political project. *Meduza*. Retrieved from <https://meduza.io/feature/2017/08/15/kto-pridumal-renovatsiyu> (In Russian).
- Gransow, B. (2014). Reclaiming the neighbourhood. Urban redevelopment, citizen activism, and conflicts of recognition in Guangzhou. *China Perspectives. Contested Urban Spaces*, 2014(2), 17–27.
- Gudkov, D. (2017, March 11). The bill on the demolition of five-storey buildings. *Besttoday.ru*. Retrieved from <http://besttoday.ru/posts/15056.html> (In Russian).
- Gudkov, G. (2017, May 16). The last cut of Moscow, or how Sobyenin surrenders the capital. *OpenTown.org*. Retrieved from <https://www.opentown.org/news/153261/> (In Russian).
- Hochschild, A., Machung, A. (1990). *The second shift*. New York: Avon Books.
- Janoff-Bulman, R., Timko, Ch., Carli, L. (1985). Cognitive biases in blaming the victim. *Journal of Experimental Social Psychology*, 21(2), 161–177.
- Kuymulu, M. B. (2014). Growth and revolt: Resisting urban redevelopment in Turkey. *Sociologia Urbana e Rurale, issue 104*, 44–66.
- Lee, S. Y. (2014). *New-build gentrification and anti-gentrification movements in Seoul, South Korea*. London: King's College.
- Marokhovskaya, A., Dolinina, I. (2017, November 20). Bot and all the renovation. How the Moscow government imitated a campaign for the demolition of five-storey buildings on social networks. *CURrealizm. Centr upravleniya rassledovaniyami*. Retrieved from <https://medium.com/@tzurrealism/renovatsia-5bfc4f31f2a2> (In Russian).
- Menahem, G. (1994). Urban regimes and neighborhood mobilization against urban redevelopment: The case of an Arab-Jewish neighborhood in Israel. *Journal of Urban Affairs*, 16(1), 35–50.

- Peirce, Ch. S. (1868). On a new list of categories. *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences, issue 7*, 287–298.
- Ries, N. (2005). “Russian talk”: Culture and conversation during Perestroika. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Shin, H. B. (2018). Urban movements and the genealogy of urban rights discourses: The case of urban protesters against redevelopment and displacement in Seoul, South Korea. *Annals of the American Association of Geographers, 108(2)*, 356–369.
- Soto, de, Je. (2008). *Another way: Economic response to terrorism*. Chelyabinsk: Socium. (In Russian).
- Tykanova, E. (2013). The influence of urban political regimes on contestation of city space (as exemplified by St. Petersburg and Paris). *The Journal of Sociology and Social Anthropology, 16(3)*, 112–123. (In Russian).
- Tykanova, E. (2019). Levels of participation of local activists in the struggle for urban space. In L. Gainutdinova, M. Nevzorov (Eds.). *City. Environment. Policy. 2018: Collection of materials of the research and practical conference*, 37–42. St. Petersburg: Izdate’Istvo RGPU im. A.I. Herzena. (In Russian).
- Volkov, D. (2012). *The protest movement in Russia at the end of 2011–2012: Sources, dynamics, results*. Moscow: Levada-center. Retrieved from <https://www.hse.ru/data/2012/11/03/1249193438/movementreport.pdf>. (In Russian).
- Strygina, E. (2017, February 7). The ground gave way under Moscow’s “Khrushchev” buildings. *Vesti. Rossiya-1 HD*. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=tFFU25wCxuA> (In Russian).